

Татьяна де Ронэ

Мировой бестселлер

КЛЮЧ САРЫ

Потрясающий, захватывающий роман...
Он покоряет ваше сердце с самой первой главы...

Publishers Weekly

Роман,
переведенный
на
38 языков

Татьяна де Ронэ

Ключ Сары

Серия «Азбука-бестселлер»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63713881
Татьяна де Ронэ Ключ Сары:
ISBN 978-5-389-18947-8

Аннотация

Татьяна де Ронэ – англо-французская писательница, сценарист, журналист и литературный критик, произведения которой переведены на многие языки мира и изданы миллионными тиражами. Но самый громкий ее успех связан с романом «Ключ Сары» и одноименным фильмом с Кристин Скотт-Томас в главной роли, обошедшим мировые экраны.

Париж, июль 1942 года: Саре Старзински десять лет. Вместе с родителями и младшим братом она живет в квартале Марэ. Мать нашивает ей на пальто желтую звезду, что означает проклятие и гибель. Ночью за ними приходит полиция. В панике Сара запирает младшего брата в стенном шкафу, пообещав вскоре вернуться.

Париж, май 2002 года: Джулии Джармонд, американской журналистке, вышедшей замуж за француза, поручено написать об очередной годовщине облавы на евреев, которых нацисты собрали на стадионе Вель д'Ив. И вот ее путь пересекается

с историей Сары, девочки, которая до самой смерти хранила таинственный ключ, и это навсегда изменит жизнь Джулии. Куда же приведет долг памяти эту молодую женщину, нечаянно разворошившую темные страницы нацистской оккупации?

Роман «Ключ Сары» публикуется в новом переводе.

Содержание

Предисловие	7
Введение	11
Париж, июль 1942 г.	12
Париж, май 2002 г.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Татьяна де Ронэ

Ключ Сары

Tatiana de Rosnay

ELLE S'APPELAIT SARAH

Copyright © Éditions Héloïse d'Ormesson, 2012

Published by arrangement with

SAS Lester Literary Agency & Associates

Серия «Азбука-бестселлер»

Перевод с французского Риммы Генкиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© Р. К. Генкина, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Стелле, моей матери
Моей Шарлотте, красивой и мятежной
Наташе, моей бабушке (1914–2005)*

*Господи! Что творит со мной эта страна!
Раз она отрекается от меня, посмотрим на нее
с холодной отстраненностью, посмотрим,
как она потеряет честь и самую жизнь.*
Ирен Немировски. Французская сюита, 1942

*Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?*
Уильям Блейк. Песни опыта¹

¹ Перевод С. Маршака. (Здесь и далее примеч. перев.)

Предисловие

Когда я писала «Ключ Сары», я и представить себе не могла, до какой степени этот роман перевернет мою жизнь.

Июль 2001 года. Улица Нелатон в Париже. Я впервые отправилась на то место, где проходила облава Вель д'Ив². Я чувствовала настоящую потребность увидеть эту улицу. Было жарко и душно, как и в тот черный четверг сорок второго года. Об этой облаве мне было известно немного – как и большинству французов моего поколения. Я не знала ее ужасных подробностей.

Не знала, что четыре тысячи детей, по большей части французов, были арестованы вместе с родителями и помещены французскими властями сюда, в совершенно бесчеловечные условия.

Не знала, что эти дети в возрасте от двух до двенадцати лет будут несколькими днями позже оторваны от родителей – все той же французской полицией.

² *Облава Вель д'Ив* – так называют крупнейшую серию массовых арестов евреев во Франции во время Второй мировой войны. 16 и 17 июля 1942 года в Париже и его предместьях было арестовано более 13 тысяч человек, более трети из них составляли дети. Большинство впоследствии были убиты, менее сотни человек выжили. Изначально они были помещены в Вель д'Ив (сокращение от Велодром д'Ивер – Зимний велодром).

Не знала, что эти дети будут отправлены на французских поездах в лагеря смерти, откуда ни один из них не вернется.

Не знала, что на месте Зимнего велодрома теперь стоит здание министерства.

В тот день я ощутила глубокую печаль. Я начала собирать сведения о 16 июля 1942 года. Сначала в Интернете, потом стала искать по книжным магазинам. Но большинство интересующих меня изданий уже были распроданы. Это усилило мою боль. Кому хотелось вспоминать о Вель д'Ив?

В Дранси³, несмотря на Мемориал, обитатели сохранившихся с той поры домов не знали, что живут там, где располагался лагерь «Ла Мюэтт». Одна женщина призналась мне, что плохо спит. Вот она знала. В Бон-ла-Роланде⁴, где детей разлучили с родителями, на месте бывшего лагеря была построена школа. Маленький вокзал превратился в развлекательный центр. Никто ни о чем не помнил. Или не хотел помнить. На улицах Марэ⁵ я смотрела на старинные здания и думала о том раннем утре 16 июля 1942 года.

У четырех тысяч детей Вель д'Ив были лица моих соб-

³ Город в 10 км от Парижа, где нацистами был устроен концентрационный лагерь в жилом комплексе «Ла Мюэтт», задуманном архитекторами как недорогое коммунальное жилье.

⁴ Небольшой город в ста километрах от Парижа.

⁵ Респектабельный район Парижа, считается средоточием еврейской диаспоры.

ственных детей, племянников и племянниц.

Идея этой книги пришла мне в образе маленькой девочки, носившей желтую звезду. Я с самого начала знала, что ее зовут Сара. Потом я придумала американскую журналистку, которая пытается восстановить истину и в результате раскрывает семейную тайну шестидесятилетней давности.

Мне было сложно опубликовать эту книгу, к тому же написанную на моем родном языке. Пришлось прикрыться моей английской «ипостасью», чтобы напомнить об этих мрачных страницах французской истории. На протяжении пяти лет все отказывались от рукописи. Страницы прошлого вызывали неловкость. Как и сам сюжет. Я оставила Сару в недрах своего компьютера. Элоиза д'Ормессон и Жиль Коэн-Солаль, с которыми я познакомилась в 2005 году, поверили в мой роман и опубликовали его в 2007-м.

Я написала «Ключ Сары» не для того, чтобы кого-то судить. Я написала этот роман, чтобы люди вспомнили об ужасе, который происходил в двадцати минутах ходьбы от дома, где я живу, в моем городе, в моей стране, теперь уже семьдесят лет назад.

Это новое издание посвящается двум моим «Сарам» – Сюзи Коэн и Арлетте Тестилер, уцелевшим в облаве Вель д'Ив.

Встреча с ними и их дружба озарили мою жизнь.

Татьяна де Ронэ

Париж, 28 сентября 2012 г.

Введение

Все персонажи романа полностью вымышлены.

А вот некоторые из описанных событий – нет, а именно те, которые произошли летом 1942 года в период Оккупации, особенно облава Вель д'Ив, имевшая место 16 июля 1942 года в самом сердце Парижа.

Эта книга – не труд историка и не претендует им быть.

Это дань памяти детям Вель д'Ив, которых никто больше не видел.

И дань уважения тем, кто выжил и рассказал.

Париж, июль 1942 г.

Девочка первой услышала сильный стук в дверь. Ее комната находилась ближе других к входной двери. Спросонок она подумала, что это отец поднялся из подвала, где он прятался, но, наверное, забыл ключи, а поскольку его робкого стука никто не услышал, принялся стучать сильнее. Но вскоре в тишине ночи раздались громкие грубые голоса. Это был не отец. «Полиция! Откройте! Немедленно!» В дверь барабанили изо всех сил. Удары отзывались в теле девочки дрожью, пробиравшей до самых костей. Младший брат, спавший рядом, беспокойно заворочался в кровати. «Полиция! Откройте! Откройте!» Который теперь час? Она бросила взгляд в проем между шторами. Было еще темно.

Ей стало страшно. Она вспомнила о разговорах, о ночных спорах вполголоса родителей, думавших, что она спит. Но она все слышала. Она подбиралась поближе к двери в гостиную и через маленькую щелку смотрела на них и слушала. До нее доносился нервный голос отца. Она видела тревогу на лице матери. Они говорили на родном языке, девочка все понимала, хотя сама изъяснялась с трудом. Отец очень тихо сказал, что настают тяжелые времена. Нужно набраться мужества и быть очень осторожными. Он произносил странные, незнакомые слова: «лагерь», «облава», «арест», и

девочка спрашивала себя, что бы это могло значить. Отец все так же тихо добавил, что опасность грозит только мужчинам, а женщинам и детям бояться нечего, поэтому он каждый вечер будет прятаться.

На следующее утро он объяснил дочери, что некоторое время ему придется спать в подвале, так спокойнее. Пока всё не «придет в порядок». Что «всё»? – подумала она. «Прийти в порядок» – на самом деле это как? И когда это случится? Ее мучило желание спросить у него, что означают эти странные подслушанные слова: «лагерь», «облава». Но тогда пришлось бы признаться, что она за ними шпионила, спрятавшись за дверью, причем не раз. Она так и не посмела.

«Откройте! Полиция!»

А вдруг полиция нашла Папу в подвале? Вдруг они для того и пришли, чтобы отвести Папу туда, о чем он говорил ночью, в эти самые «лагеря», которые находятся где-то за городом?

Мальшика на цыпочках поспешила в спальню матери на другом конце коридора. Почувствовав руку дочери на своем плече, та мгновенно проснулась.

«Это полиция, Мама, – прошептала девочка, – они очень сильно стучат в дверь».

Мать спустила ноги с кровати и отбросила волосы, упавшие ей на глаза. Девочке она показалась уставшей и поста-

ревшей, гораздо старше ее тридцати лет.

«Они пришли забрать Папу? – молящим голосом спросила она, вцепляясь в руку матери. – Они здесь из-за него, да?»

Мать не ответила. С лестничной площадки опять донеслись громкие голоса. Мать быстро накинула халат, потом взяла дочь за руку и пошла к двери. Рука у нее была горячая и влажная. «Как у ребенка», – подумала девочка.

– Да? – робко сказала мать, не трогая замок.

Мужской голос выкрикнул ее фамилию.

– Да, месье, это я. – К ней вдруг вернулся прежний акцент, сильный, почти режущий слух.

– Немедленно откройте. Полиция.

Мать поднесла руку к горлу. Девочка заметила, что мать очень бледная. Она как будто застыла, заледенела и была не в силах шевельнуться. Никогда еще девочка не видела такого страха на лице матери. Она почувствовала, что и у нее во рту все пересохло от тревоги.

Люди с той стороны стукнули еще раз. Мать дрожащей, неловкой рукой открыла дверь. Девочка задрожала, ожидая увидеть серо-зеленые мундиры.

На пороге стояли двое мужчин. Полицейский в большой каскетке и темно-синей накидке, спускающейся ниже колен, и мужчина в бежевом плаще. У второго в руке был список. Он повторил фамилию матери. Потом отца. Он прекрасно говорил по-французски. «Значит, нам нечего бояться, – подумала девочка. – Раз они французы, а не немцы, опасности

нет. Французы не сделают нам ничего плохого».

Мать прижала дочку к себе. Малышка слышала, как колотится ее сердце. Она была готова оттолкнуть мать, чтобы та держалась прямо, а не съезживалась, и смотрела на мужчин с уверенностью и чтобы ее сердце не трепыхалось, как перепуганный зверек. Ей хотелось, чтобы мать была смелой.

— Моего мужа... нет, — пролепетала мать. — Я не знаю, где он. Я не знаю.

Мужчина в бежевом плаще отстранил ее и прошел в квартиру.

— Поторопитесь, мадам. Даю вам десять минут. Соберите какие-нибудь вещи на два-три дня.

Мать не двинулась с места. В полной растерянности она смотрела на полицейского. Тот остался стоять на лестничной площадке, спиной загораживая выход. Он казался усталым и безразличным. Она тронула его за темно-синий обшлаг.

— Месье, прошу вас... — начала она.

Полицейский убрал руку и отвернулся, бросив на мать жесткий равнодушный взгляд.

— Вы слышали? Вы пойдете с нами. Вы и ваша дочь. Делайте, что вам говорят.

Париж, май 2002 г.

Бертран, по обыкновению, опаздывал. Я старалась не особенно переживать, но у меня не получалось. Зоэ, устав, прислонилась к стене. Бывало, я невольно улыбалась, видя, как она похожа на отца. Но не сегодня. Я подняла глаза на старинное здание. Дом Мамэ. Бывшая квартира бабушки Бертрана. Туда мы собирались перебраться. Скоро мы покинем бульвар Монпарнас с его вечным автомобильным шумом, постоянным мельканием карет «скорой помощи», едущих в соседние больницы, с его кафе, ресторанами, и обоснуемся на этой узкой спокойной улице на правом берегу Сены.

Я не очень хорошо знала квартал Марэ, но восхищалась его увядшей прелестью былых времен. Радовалась ли я предстоящему переезду? Не уверена. Но Бертран не особо интересовался моим мнением. По правде говоря, мы это почти не обсуждали. В привычном своем стиле он все решил сам. Без меня.

– Вон он, – сказала Зоэ. – И опоздал всего-то на полчаса. Мы увидели, как он идет к нам своей небрежной, чувственной походкой. Темноволосый, худощавый, сексуальный до предела. Воплощение французского архетипа. Как всегда, он говорил по телефону. Отстав на несколько шагов, за ним следовал его компаньон. Антуан, краснолицый бородач. Их контора расположена на улице Аркад, сразу за пло-

щадью Мадлен. Бертран уже давно, задолго до нашей женитьбы, работал в архитектурном бюро, но пять лет назад создал вместе с Антуаном свое собственное.

Бертран помахал нам рукой, потом ткнул пальцем в телефон и нахмурился, выражая досаду.

– Как будто он не может повесить трубку! – усмехнулась Зоэ. – Ну конечно!

Зоэ было всего одиннадцать, но иногда складывалось впечатление, что перед тобой уже подросток. Во-первых, она на голову переросла своих подружек – «и лапы соответствующие», ворчливо добавляла она, – а еще она проявляла проницательность, от которой у меня перехватывало дыхание. Было что-то взрослое в торжественной сосредоточенности взгляда ее ореховых глаз, в том, как она задумчиво вздергивала подбородок. И такой она была всегда, даже в раннем детстве. Спокойной, зрелой, может быть, чересчур зрелой для ее возраста.

Антуан подошел поздороваться, пока Бертран продолжал телефонные переговоры, достаточно громко, чтобы никто на улице не упустил ни слова, размахивая руками, все больше гримасничая и то и дело поворачиваясь к нам, чтобы удостовериться, что мы следим за ним во все глаза.

– Проблемы с архитектором, – пояснил Антуан с легкой улыбкой.

– Конкурент? – спросила Зоэ.

– Ну да, конкурент.

Зоэ вздохнула:

– Значит, мы можем промариноваться здесь целый день!

У меня появилась мысль.

– Антуан, а у тебя, случайно, нет ключей от квартиры мадам Тезак?

– Конечно есть, Джулия, – сказал он, расплываясь в улыбке. Антуан всегда отвечал мне по-английски, хотя я обращалась к нему на французском. Полагаю, он делал это из любви, хотя на самом деле меня это раздражало: получалось, что, несмотря на все прошедшие годы, мой французский по-прежнему слаб.

Антуан победно взмахнул ключами. Мы решили подняться пока вдвоем. Зоэ проворно набрала код. Пройдя через прохладный, заросший зеленью двор, мы подошли к лифту.

– Терпеть не могу этот лифт, – сказала Зоэ. – Папа должен что-нибудь с ним сделать.

– Дорогая, он собирается перестроить квартиру твоей прабабушки, а не дом, – заметила я.

– Ну и что, хорошо бы и дом, – заметила она.

Пока мы ждали лифт, мой мобильник издал мелодию из «Звездных Войн». Я посмотрела на высветившийся номер. Джошуа, мой шеф.

Я сняла трубку:

– Мм?

Джошуа был краток и точен. Как всегда.

– Ты мне нужна в три часа. Закрываем июльский номер!

– *Gee whiz!*⁶ – сказала я довольно нахально. Услышала фыркание на том конце, и Джошуа повесил трубку. Он обо-жал, когда я говорила «*gee whiz*». Может, вспоминал молодость. А вот Антуана, похоже, мои устарелые американизмы забавляли. Я так и представляла себе, как он пытается их воспроизвести со своим французским акцентом.

Лифт был из тех, что встречаются только в Париже, – с крошечной кабиной, кованными железными решетками и деревянной двухстворчатой дверью, которая неизбежно утыкалась вам в физиономию. Прижатая к Зоэ и Антуану – который явно переборщил со своим одеколоном от Эрме, – я мельком глянула на себя в зеркало, пока мы поднимались. Вид у меня был такой же разбитый, как у старого скрипучего лифта. Что случилось с юной и свежей красоткой из Бостона, штат Массачусетс? Глядящая на меня женщина уже достигла красной зоны, той, что находится между сорока пятью и пятьюдесятью годами, *no man's land*⁷, — с ее обвисшей кожей, глубокими морщинами и неотвратимым приближением менопаузы.

– Я тоже ненавижу этот лифт, – мрачно сказала я.

Зоэ улыбнулась и ущипнула меня за щеку:

– Мам, даже Гвинет Пэлтроу была бы похожа на зомби в этом зеркале.

Я не смогла удержаться от улыбки. Типичное дочкино за-

⁶ Ни фиги себе! Черт подери! (англ.)

⁷ Ничейная земля (англ.).

мечание.

Мать заплакала, сначала тихонько, потом все сильнее и сильнее. Девочка растерянно смотрела на нее. За свои десять лет она ни разу не видела, чтобы мать плакала. В горестном изумлении она наблюдала, как слезы прокладывают след на ее бледном искаженном лице. Она хотела попросить ее не плакать, ей было невыносимо стыдно, что мать шмыгает носом перед этими странными людьми. Но оба мужчины не обращали на ее слезы никакого внимания. Они велели ей поторапливаться. Время поджимало.

В спальне по-прежнему крепко спал ее младший брат.

— Но куда вы нас ведете? — взмолилась мать. — Моя дочь француженка, она родилась в Париже, почему вы забираете ее тоже? Куда вы нас ведете?

Оба мужчины молчали. Они смотрели на нее сверху вниз, огромные и грозные. У матери в глазах стоял ужас. Она пошла в свою комнату и упала на кровать. Через несколько мгновений она выпрямилась и посмотрела на дочь. С застывшим, как маска, лицом она проговорила на одном дыхании:

— Разбуди брата. Оденьтесь оба. Возьми какую-нибудь одежду для вас обоих. Торопись, торопись, ступай!

Брат онемел от страха, заметив мужчин в приотворенную дверь. Он посмотрел на мать — та, полуодетая, рыдала, хватая какие-то вещи. Собрал в кулак все силенки четырехлетнего мальчика и отказался двигаться. Сестра по-

пыталась его уговорить, ласково поглаживая. Все было напрасно. Он уперся, стоя неподвижно и скрестив руки на груди.

Девочка скинула ночную рубашку, схватила хлопчатобумажную блузку, юбку. Надела башмаки. Брат следил за ней, не шевелясь. Из своей комнаты они слышали, как плакала мать.

– Я спрячусь в наш тайник, – пробормотал он.

– Нет! – приказала сестра. – Ты пойдешь с нами, так надо!

Она схватила его, но он вырвался и скользнул в длинный глубокий шкаф, встроенный в стену. Туда, где они обычно играли в прятки. Они всегда укрывались там, задвигая створки изнутри. Это был их маленький домик. Папа и Мама прекрасно знали о тайнике, но делали вид, будто ведать не ведают. Они выкликали их имена прекрасными звонкими голосами.

«Да куда же подевались эти дети? Как странно, ведь минуту назад они были здесь!»

А они с братом хихикали от удовольствия.

В этом шкафу они держали фонарик, книги и даже графин с водой, Мама наполняла его каждый день. Брат еще не умел читать, и сестра читала ему вслух. Он любил слушать книжку «Добрый маленький чертенок»⁸. Ему очень нрави-

⁸ Сказка графини де Сегюр (1799–1874) – французской детской писательницы русского происхождения.

лась история про сироту Шарля и ужасную мадам Мак'Миш и как Шарль мстил ей за все ее жестокости. Сестра перечитывала книжку без конца.

Девочка посмотрела на брата, чье лицо маячило в темноте. Он вцепился в своего любимого плюшевого медвежонка, и ему было уже не так страшно. В конце концов, наверно, здесь он будет в безопасности. У него есть вода и фонарик. Он станет рассматривать картинки в книге графини де Сегюр, иллюстрации к его самой любимой истории про чудесную месть Шарля. Может, будет лучше, если она пока оставит его здесь. Те люди ни за что его не найдут. А она придет за ним позже, днем, когда ей разрешат вернуться. И папа, если поднимется из подвала, будет знать, где прячется его мальчик.

– Тебе там страшно? – спросила она мягко, слыша, что ее уже зовут те мужчины.

– Нет, – сказал он. – Мне не страшно. Закрой меня. Они меня не схватят.

Она задвинула створку, повернула в замке ключ. Положила его себе в карман. Замочная скважина была спрятана за фальшивым вращающимся выключателем. Невозможно было угадать контуры шкафа в стенной панели. Да, брат будет в безопасности. Она уверена.

Девочка в последний раз прошептала имя брата и приложила ладонь к дереву:

– Я вернусь позже. Обещаю.

Мы зашли в квартиру, ощупью отыскивая выключатели. Света не было. Антуан отворил пару ставней. В квартиру проникло солнце. В комнатах было пыльно и пусто. Без мебели гостиная казалась огромной. Золотистые лучи падали наискось в высокие грязные окна, выписывая световые узоры на темных плашках пола.

Я оглядела комнату: пустые полки, прямоугольные следы на стенах, там, где когда-то висели прекрасные картины, мраморный камин, в котором на моей памяти зимой горел такой уютный огонь и Мамэ подходила к нему погреть свои изящные белые руки.

Я подошла к окну и посмотрела на тихий зеленый двор. Порадовалась, что Мамэ покинула квартиру, не увидев своего пустого дома. Ее бы это потрясло. Это и меня потрясло.

– Здесь еще пахнет, как Мамэ, – сказала Зоэ. – «Шалимаром»⁹.

– А еще этой ужасной Минет, – добавила я, затыкая нос. Минет была последним домашним питомцем Мамэ. Сиамская кошка, страдающая недержанием.

Антуан бросил на меня удивленный взгляд.

– Кот, – пояснила я по-английски. Разумеется, я знала, как будет женский род от слова «кот», но знала и другое значение этого слова по-французски¹⁰. А услышать, как Антуан прыскает в ответ на некую сомнительную двусмысленность,

⁹ «Шалимар» – духи от парфюмерного дома «Герлен».

¹⁰ «Кошка» по-французски имеет второе значение, как и русская «киска».

было последним, чего мне в данный момент хотелось.

Антуан окинул все вокруг профессиональным взглядом.

– Электричество больше не соответствует нормам, – заметил он, указывая на старые фарфоровые пробки. – Отопление тоже антикварное.

Огромные радиаторы были черными от окалины и чешуйчатыми, как змеиная кожа, если не больше.

– Погоди, ты еще не видел кухню и ванную, – сказала я.

– У ванны ножки в форме львиных лап, – добавила Зоэ. – Мне будет жалко, если ее поменяют.

Антуан обследовал стены, слегка их постукивая.

– Думаю, вы с Бертраном хотите все обновить? – предположил он, глядя на меня.

Я пожала плечами:

– Не имею представления, чего он в точности хочет. Это была его идея перебраться сюда. Я не горела желанием. Мне хотелось чего-нибудь... более практичного. Чего-нибудь поновее.

Антуан улыбнулся:

– Но здесь все будет новым, когда мы закончим.

– Возможно. Но для меня это всегда будет квартира Мамэ.

Отпечаток Мамэ лежал здесь на всем, хотя сама она вот уже девять месяцев как переехала в дом для престарелых. Когда-то на меня произвели сильное впечатление старинные картины, мраморный камин, на котором стояли семейные фотографии в серебряных рамках, мебель, прекрасная своей

элегантной и сдержанной простотой, множество книг на полках в библиотеке, кабинетный рояль, покрытый роскошным алым бархатом. Ярко освещенная гостиная выходила в тихий внутренний двор, его противоположная стена была густо увита плющом. Именно в этой комнате я увидела ее в первый раз, неловко протянула руку, еще не освоившись с тем, что моя сестра называла «французской манией целоваться».

Парижанкам не пожимают руку, даже в первый момент знакомства. Их расцеловывают в обе щеки.

Но тогда я этого еще не знала.

Мужчина в бежевом плаще снова просмотрел свой список.

– Погодите, – сказал он коллеге, – не хватает еще одного ребенка. Мальчика.

Он назвал его имя.

Сердце девочки на мгновение замерло. Мать посмотрела в ее сторону. Мальшика украдкой прижала палец к губам. Двое мужчин этого не заметили.

– Где мальчик? – спросил мужчина в плаще.

Девочка сделала шаг вперед, судорожно сжимая руки.

– Моего брата здесь нет, месье, – сказала она на прекрасном французском языке урожденной парижанки. – Он уехал в начале месяца с друзьями в деревню.

Человек в плаще внимательно на нее посмотрел. Потом сделал знак полицейскому:

– Общайте квартиру. Побыстрее. Может, отец тоже

прячется.

Полицейский проверил одну за другой все комнаты, добросовестно открывая каждую дверь, заглядывая под кровати и в шкафы.

Пока один обходил квартиру, другой ждал, прохаживаясь туда-сюда. Когда он повернулся к ним спиной, девочка быстро показала матери ключ. «Папа придет за ним, придет позже», – прошептала она. Мать кивнула, как бы сказав: хорошо, я поняла, где он. Однако она начала хмурить брови, глазами указывая на ключ и жестами давая понять, что девочка должна оставить ключ отцу, причем так, чтобы тот понял, где его искать. Мужчина внезапно обернулся и посмотрел на них. Мать застыла. Девочка дрожала от страха.

Какой-то момент он разглядывал их, потом резким движением захлопнул окно.

– Прошу вас, здесь так жарко, – взмолилась мать.

Мужчина улыбнулся. Девочка подумала о том, что никогда не видела такой уродливой улыбки.

– Мы предпочитаем, чтобы окна были закрыты, мадам, – отрезал он. – Не далее как этим утром одна женщина выбросила своего ребенка из окна, а потом и сама выпрыгнула. Нам бы не хотелось, чтобы такое повторилось.

Мать в ужасе не проронила ни слова. Девочка устремила на мужчину ненавидящий взгляд. Ей было отвратительно в нем все до мельчайших деталей. Она проклинала его крас-

ную физиономию, влажный рот, широко расставленные ноги, сдвинутую на затылок фетровую шляпу, пухлые руки, сложенные за спиной.

Она ненавидела его всеми фибрами своей души, как никогда никогда в своей жизни не ненавидела, даже того мерзкого мальчишку в школе, Даниэля, который с придыханием шипел ей ужасные вещи, мерзкие вещи про акцент ее родителей.

Она напрягла слух, стараясь уловить малейшие звуки тщательного обыска. Он не найдет братика. Слишком хорошо скрыт шкаф. У мальчика надежное убежище. Они никогда его не найдут. Никогда.

Полицейский вернулся, пожал плечами и покачал головой.
– Никого, – сказал он.

Мужчина в плаще подтолкнул мать к двери. Потребовал ключи от квартиры. Та молча их протянула. Друг за другом они спустились по лестнице; сумки и пакеты, которые несла мать, мешали идти быстрее. Девочка судорожно пыталась сообразить: как ей передать ключ отцу? Где его оставить? У консьержки? А вдруг она в этот час еще спит?

Как ни странно, консьержка была уже на ногах и ждала у двери своей каморки. Девочка заметила на ее лице странное выражение – какое-то злобное ликование. «Что это означает? – подумала малышка. – Почему консьержка смотрит только на двоих мужчин, почему не смотрит ни на нее, ни на мать, как будто не желает встречаться с нами взглядом, словно никогда раньше нас не видела? Ведь

мать всегда была любезна с этой женщиной, иногда сидела с ее девочкой, маленькой Сюзанной, которая часто плакала, потому что у нее болел живот. Мать была очень терпелива, без усталости пела Сюзанне песенки на своем родном языке, и малышке это нравилось, она мирно засыпала».

— Вы не знаете, где отец и сын? — спросил полицейский, передавая консьержке ключи от квартиры.

Та пожала плечами. Она по-прежнему не смотрела ни на девочку, ни на ее мать, только поспешно сунула ключи в карман, что очень не понравилась малышке.

— Нет, — ответила она полицейскому. — Мужа я вообще в последнее время редко видела. Может, он прячется. Вместе с мальчиком. Вам бы поискать его в подвале или в кладовках на последнем этаже. Могу вас проводить.

В ее служебной каморке захныкал младенец. Консьержка, повернув голову, бросила туда взгляд через плечо.

— У нас нет времени, — вздохнул мужчина в плаще. — Нам надо идти. Вернемся позже, если понадобится.

Консьержка пошла за ребенком и вернулась, прижимая его к груди. Сказала, что точно знает: есть и другие семьи в домах по соседству. С гримасой отвращения назвала их фамилии. «Как будто грубое слово говорит, — подумала девочка, — из тех грязных слов, которые никогда нельзя произносить».

Бертран сунул наконец телефон в карман и обратил на меня внимание. И даже удостоил своей неотразимой улыбкой.

Ну почему мне достался отчаянно привлекательный муж? – в энный раз подумала я. Когда мы с ним впервые встретились в Куршевели, много лет назад, он был щуплым юношей. А сейчас, в свои сорок семь, приобретя силу и импозантность, излучал чисто французскую мужественность – с патиной истинного шика. Он был как хорошее вино, которое, старея, обретает тонкость вкуса и мощь, в то время как я, похоже, растеряла свою молодость где-то на перегоне между рекой Чарльз¹¹ и Сеной. Мой сороковник ничего хорошего мне не добавил. Если у Бертрана седеющие волосы и морщины, казалось, только оттеняли его красоту, то такие же изменения мою красоту губили, и в этом у меня никаких сомнений не оставалось.

– Ну что? – поинтересовался он, одаривая меня небрежным и собственническим похлопыванием по ягодицам и нимало не стесняясь компаньона и дочери. – Правда, великолепно?

– Великолепно, – повторила Зоэ. – Антуан как раз объяснял нам, что нужно все переделать. А значит, мы переедем не раньше чем через год.

Бертран рассмеялся. Невероятно заразительный смех, нечто среднее между гиеной и саксофоном. В этом-то вся и проблема с моим мужем. В его пьянящем обаянии, которым он обожал злоупотреблять. Я задавалась вопросом, от кого он его унаследовал. От родителей, Колетт и Эдуара? Ум-

¹¹ Charles River – река в штате Массачусетс.

нейшие, тонкие, образованные люди, но без всякого шарма. От сестер, Сесиль и Лауры? Прекрасно воспитанные, блистательные, с великолепными манерами, но из тех, кто смеется только по обязанности. Значит, это могло ему достаться только от Мамэ. Мамэ-мятежницы, Мамэ-воительницы.

– Антуан неисправимый пессимист, – смеясь, сказал Бертран. – Очень скоро мы обоснуемся в этих стенах. Конечно, возни будет много, но мы найдем лучших рабочих.

Мы прошли за ним по длинному коридору со скрипучим паркетом в спальни, выходящие на улицу.

– Эти стены надо снести, – заявил Бертран. Антуан согласно кивнул. – Кухню устроим поближе, иначе мисс Джармонд решит, что это не *practical*.

Он произнес «практично» по-английски, бросив на меня жуликоватый взгляд и изобразив пальцами кавычки.

– Большая квартира, – заметил Антуан. – Просто великолепная!

– На сегодняшний день – да. Но когда-то она была меньше и куда скромнее, – вставил Бертран. – Мои предки переживали не лучшие времена. Дед начал хорошо зарабатывать только в шестидесятых годах, вот тогда он и прикупил соседнюю квартиру, объединив их.

– Значит, когда дедушка был ребенком, он жил в этой маленькой части? – спросила Зоэ.

– Именно так, – ответил Бертран. – Вот отсюда и досюда. Здесь была родительская спальня, а он спал там. Да, тут было

не разгуляться.

Антуан жестом профессионала постучал по стенам.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – улыбнулся Бертран. – Хочешь объединить две спальни, верно?

– В точку! – признал Антуан.

– Хорошая мысль. Только придется еще помозговать. С этой перегородкой будут проблемы, я тебе потом покажу. Несущая стена с трубами и еще кучей всего внутри. Не так просто, как кажется.

Я посмотрела на часы: половина третьего.

– Мне пора, – сказала я. – У меня встреча с Джошуа.

– А как быть с Зоэ? – спросил Бертран.

Зоэ возвела глаза к небу:

– Ну, сяду в автобус и вернусь на Монпарнас.

– А школа? – поинтересовался Бертран.

Она опять возвела глаза к небу:

– Папа! Сегодня среда, напоминаю: по средам после полудня уроков нет, усвоил?

Бертран почесал голову:

– В мое время...

– Уроков не было по четвергам, – закончила Зоэ, как заезженный припев.

– Французская система образования просто нелепа, – вздохнула я. – Вдобавок еще занятия по утрам в субботу!

Антуан был со мной согласен. Его сыновья ходили в частную школу, там уроков по субботам не было. Но Бертран

– как и его родители – был горячим сторонником государственных школ. Я хотела записать Зоэ в двуязычную школу, каких в Париже полным-полно, но клан Тезак и слышать ни о чем подобном не желал. Зоэ француженка, она родилась во Франции. И пойдет во французскую школу. Поэтому она училась в лицее Монтень, рядом с Люксембургским садом. Семейство Тезак, казалось, забыло, что мать Зоэ американка. К счастью, английский у Зоэ был безупречен. Я всегда говорила с ней только по-английски, и она часто ездила к моим родным в Бостон. Большую часть летних каникул она проводила на Лонг-Айленде, в семье моей сестры Чарлы.

Бертран повернулся ко мне. В его взгляде играл огонек, к которому я всегда относилась с опаской: он мог предвещать что-то забавное, или жестокое, или же и то и другое. Антуан тоже знал, чего ожидать, судя по тому, с каким вниманием он принялся разглядывать свои кожаные мокасины.

– Конечно, мы же знаем, что именно мисс Джармонд думает о наших школах, наших больницах, наших бесконечных забастовках, наших долгих отпусках, нашем водопроводе, нашей почте, нашем телевидении, нашей политике, о нашем собачьем дерьме на тротуарах, – сказал Бертран, демонстрируя великолепные зубы. – Мы слышали эту песню сотни раз, никак не меньше, верно? Я люблю Америку, в Америке всё *clean*¹², в Америке все подбирают какашки за своими собачками!

¹² Чисто, безупречно (англ.).

– Папа, хватит! Ты грубишь! – сказала Зоэ, беря меня за руку.

Со двора девочка увидела соседа в пижаме, перегнувшегося через подоконник. Это был приятный месье, учитель музыки. Он играл на скрипке, и ей нравилось его слушать. Иногда он играл, стоя на другой стороне двора, специально для нее и брата. Старые французские песни, вроде «На Авиньонском мосту», «У прозрачного фонтана», а еще мелодии страны ее родителей, от них так и тянуло в пляс. И вот мамыны ноги в тапочках уже скользили по паркету, а отец заставлял ее вращаться, опять и опять, пока у нее не начинала кружиться голова.

– Что вы делаете? Куда вы их уводите? – закричал он.

Его голос перелетел через двор, заглушая плач младенца. Мужчина в плаще ничего не ответил.

– Но вы не можете так поступать, – продолжал кричать сосед. – Это порядочные люди, хорошие люди! Вы не можете так поступать!

Ставни начали открываться, за шторами появились лица.

Но девочка заметила, что никто не шевельнулся, никто ничего не сказал. Все просто смотрели.

Мать остановилась, у нее не было сил идти дальше, ее спина содрогалась от рыданий. Мужчины грубо подтолкнули ее вперед.

Соседи молча смотрели на происходящее. Даже учитель

музыки замолк.

Внезапно мать обернулась и закричала во весь голос. Она прокричала имя мужа. Трижды.

Мужчины схватили ее за плечо и грубо встряхнули. Она выпустила из рук сумки и пакеты. Девочка хотела остановить полицейских, но ее оттолкнули.

Из-под козырька над входной дверью показался мужчина – худой, в мятой одежде, с трехдневной щетиной и усталыми покрасневшими глазами. Он пошел через двор, держась очень прямо.

Дойдя до полицейских, он назвался. Его акцент был таким же заметным, как и у жены.

– Заберите меня вместе с моей семьей, – сказал он.

Девочка просунула свою руку в ладонь отца.

Подумала о том, что теперь она в безопасности. Потому что рядом с отцом и матерью. Все будет хорошо. Это французская полиция, а не немцы. Никто не сделает им ничего плохого.

Скоро они вернутся в свою квартиру, и Мама приготовит вкусный завтрак. И братик вылезет из укрытия. И Папа отправится в мастерскую, где он был управляющим, – там, в конце улицы; они изготавливали сумки, пояса и бумажники. Все будет как раньше. Очень скоро жизнь пойдет своим чередом.

Уже рассвело. Узкая улица была пустынна. Девочка обернулась взглянуть на свой дом, на молчаливые лица в ок-

нах, на консьержку, которая укачивала маленькую Сюзанну.

Учитель музыки медленно поднял руку в знак прощания. Она тоже махнула ему, улыбаясь. Все будет хорошо. Она вернется, они все вернутся. Но лицо скриача было очень горестным. По щекам у него текли слезы, немые слезы, выдающие беспомощность и стыд, но девочка этого не понимала.

– Я грублю? Да твоя мать это обожает! – хохотнул Бертран, заговорщицки взглянув на Антуана. – Так ведь, любовь моя, тебе же это нравится? Верно, дорогая?

Он пару раз крутанулся в гостиной, прищелкивая пальцами и напевая мелодию из «Вестсайдской истории».

Я чувствовала себя глупой и смешной в глазах Антуана. Почему Бертрану доставляет удовольствие выставить меня набитой предрассудками американкой, в любой момент готовой критиковать французов? И почему я стою как вкопанная и позволяю ему это делать? Когда-то меня это забавляло. В самом начале нашей семейной жизни это была наша любимая шутка, от нее умирали со смеху и наши французские друзья, и американские. В самом начале.

Я, как обычно, улыбаюсь. Но немного натянуто.

– Ты давно был у Мамэ? – спрашиваю я.

Бертран уже переключился на другое – принялся делать замеры.

– Что?

– Мамэ, – терпеливо повторила я. – Думаю, ей бы очень хотелось тебя повидать. Она наверняка будет счастлива поболтать с тобой о квартире.

Его глаза вонзаются в мои.

– Нет времени, *любимая*. Съезди сама!

– Бертран, я и так бываю там каждую неделю, ты же знаешь.

Он вздохнул.

– В конце концов, она твоя бабушка, – говорю я.

– Но она тебя обожает, *Мисс Америка*, – с улыбкой парирует он. – И я тоже тебя обожаю, *baby*.

Он подходит и целует меня в губы.

Американка. «Значит, вы и есть та самая американка?» – в качестве вступления сказала Мамэ много лет назад в этой самой комнате, вглядываясь в меня своими серыми задумчивыми глазами. *Американка*. Я и правда почувствовала себя американкой – со своей короткой стрижкой, кроссовками и широкой улыбкой, – стоя перед этой квинтэссенцией семидесятилетней француженки с ее идеально прямой осанкой, аристократическим профилем, безупречной прической и лукавым взглядом. И я сразу же полюбила Мамэ. Полюбила ее удивительный горловой смех. Ее бесстрастный юмор.

И должна признать, что вплоть до сегодняшнего дня я люблю ее больше, чем родителей Бертрана, которые при всяком удобном случае давали мне почувствовать, откуда я родом, хоть я уже двадцать пять лет живу в Париже, я жена их

сына и мать их внучки.

Выйдя из квартиры, я опять столкнулась с тягостным отражением в зеркале лифта и внезапно осознала, что слишком долго выносила подколки Бертрана, разыгрывая из себя незлобивую глупышку.

Но сегодня впервые – и по неясным причинам – я почувствовала, что это время прошло.

Девочка тесно жалась к родителям. Они уже дошли до конца улицы, и мужчина в плаще все время подгонял их. Она не понимала, куда они идут. И почему они должны идти так быстро? Их завели в какой-то большой гараж. Она узнала это место: оно находилось недалеко от их дома и мастерской отца.

Внутри люди в синих, перепачканных смазкой комбинезонах копались в моторах. Рабочие молча глянули на них. Никто не проронил ни слова. Потом девочка заметила группу людей с сумками и корзинами у ног. Она обратила внимание, что в основном там были женщины и дети. Некоторых она знала. Но никто с ними не поздоровался. Спустя какое-то время появились двое полицейских. Они начали выкликать фамилии. Услышав свою, отец поднял руку.

Девочка огляделась вокруг. Она увидела мальчика из своей школы, Леона. У него был усталый и испуганный вид. Она ему улыбнулась. Ей хотелось сказать ему, что все будет хорошо, скоро они вернутся домой, все это ненадолго, их отпустят. Но Леон смотрел на нее, словно она сошла с ума.

Она покраснела и уставилась на свои туфли. Может, она обманывается? Ее сердце готово было выпрыгнуть из груди. Может, все будет совсем не так, как она думает? Она почувствовала себя очень наивной, глупой и совсем маленькой.

Отец склонился над ней. Его плохо выбритый подбородок щекотал ей ухо. Он назвал ее по имени и спросил, где брат. Она показала ключ. Мальши надежно укрыт в тайном шкафу, прошептала она, гордая тем, что сделала. Он в безопасности.

Глаза отца странно расширились. Она почувствовала, как его пальцы сжали ей руку.

— Но ведь все устроится, — сказала она, — с ним все будет в порядке. Шкаф большой, там достаточно воздуха, чтобы дышать. И потом, у него есть фонарик и вода для питья. С ним все будет в порядке, Папа.

— Ты не понимаешь, — сказал отец, — ты не понимаешь. К своему великому смятению, она увидела, как у него на глаза навернулись слезы.

Она подергала его за рукав: было невыносимо видеть отца плачущим.

— Папа, — сказала она, — мы же скоро вернемся домой, правда? Мы уйдем после переклички, а, Папа?

Отец вытер слезы. Он посмотрел ей в глаза с такой бесконечной грустью, что она не выдержала его взгляда.

— Нет, — сказал он, — мы не вернемся. Они нам не позволят.

Она почувствовала, как ее пронзил холодный злоеющий ветер. Вспомнила подслушанный из-за двери разговор родителей, страх, который ими владел, витавшую в ночи тревогу.

— Что ты хочешь сказать, Папа? Куда мы идем? Почему мы не возвращаемся? Ты должен мне сказать! Прошу тебя!

Она почти выкрикнула последние слова.

Отец снова посмотрел на нее. Снова назвал по имени, очень нежно. Глаза его были влажными, на ресницах поблескивали слезы. Он положил руку ей на затылок.

— Будь мужественной, моя дорогая доченька. Будь мужественной, самой мужественной, какой только можешь быть.

У нее не получалось заплакать. Страх ее был так велик, что поглощал все остальные чувства, будто черная дыра, жадная и чудовищная.

— Но я ведь обещала ему вернуться, Папа. Я обещала!

Он опять заплакал и уже не слушал ее. Замкнулся в собственном горе, в собственном страхе.

Их всех вывели наружу. Улица была пуста, если не считать длинной вереницы автобусов, стоящих вдоль тротуара. Обычных автобусов, в которых они с матерью и братом ездили по городу: автобусы из привычной жизни, бело-зеленые, с площадками в хвосте.

Им приказали занимать места, запикивая одного за другим в автобусы. Девочка опять поискала глазами серо-зеленые мундиры, напрягла слух, пытаясь уловить грубую гор-

танную речь, – все то, чего она научилась бояться. Но там были только полицейские, французские полицейские.

Через пыльное окно автобуса она разглядела одного из них, молодого и рыжеволосого, он часто помогал ей перейти улицу, когда она возвращалась из школы. Она постучала по стеклу, чтобы привлечь его внимание. Заметив ее, он тут же отвел взгляд. Он казался смущенным, почти рассерженным. Она задумалась почему. Когда их запикивали в автобус, какой-то мужчина запротестовал. Его ударили. Потом полицейский заорал, что будет стрелять, если кто-нибудь попытается сбежать.

Девочка рассеянно смотрела на проплывающие за окном дома и деревья. Она думала только о брате, запертом в шкафу, в пустой квартире, он ждал ее. Она не могла думать ни о чем другом. Когда они проезжали через мост, она увидела мерцающую внизу Сену. Куда они едут? Папа не знал. Никто не знал. И всем было страшно.

Внезапный удар грома заставил всех вздрогнуть. Дождь обрушился на Париж, такой сильный, что автобус был вынужден затормозить. Девочка слушала, как капли разбиваются о крышу. Остановка продлилась совсем недолго. Шины зашуршали по мостовой: автобус опять тронулся в путь. Снова выглянуло солнце.

Автобус остановился, им велели выходить – в неразберихе пакетов, чемоданов и плачущих детей. Улица была девочке незнакома. В этом квартале она никогда не была. На

другом конце улицы она увидела станцию наземного метро.

Их повели в большое светлое здание. На его фасаде было что-то написано огромными черными буквами, но она не успела прочесть. Только тут она увидела, что вся улица заполнена людьми – такими же семьями, как ее собственная, – они выбирались из автобусов под крики полиции. Французской полиции, и только французской.

Вцепившись в руку отца и получая пинки и толчки со всех сторон, она добралась до гигантской крытой арены. Там уже скопилась бесчисленная толпа – и в центре арены, и на жестких металлических сиденьях трибун. Сколько там было людей? Она не могла бы сказать. Сотни? А новые все прибывали и прибывали. Девочка подняла глаза к огромному синему застекленному потолку в форме купола. Его пронзало безжалостное солнце.

Отец нашел место, где можно было присесть. Девочка глядела на непрекращающийся поток, вливавшийся в толпу, и та все росла и росла. Шум усиливался – это был нарастающий гул тысяч голосов, детских рыданий, женских причитаний. Жара становилась все более удушающей по мере того, как солнце двигалось к зениту. Места оставалось все меньше, им пришлось прижиматься друг к другу. Она смотрела на мужчин, женщин, детей, на их искаженные лица и полные ужаса глаза.

– Папа, – сказала она, – сколько мы здесь пробудем?

– Не знаю, милая.

– А почему мы тут?

Она положила руку на желтую звезду, пришитую к ее груди.

– Все из-за этого, да? – сказала она. – Такая здесь у всех. Отец грустно улыбнулся:

– Да, все из-за этого.

Девочка нахмурилась:

– Это несправедливо, Папа, – проговорила она сквозь зубы. – Это несправедливо!

Он обнял ее и ласково прошептал ее имя.

– Да, моя радость, ты права, это несправедливо.

Она села к нему на колени, прижавшись щекой к желтой звезде на его куртке.

Месяц назад мать пришила такие звезды на всю их одежду. Кроме вещей младшего брата. Незадолго до этого на их удостоверения личности поставили печать «Еврей» или «Еврейка». Потом оказалось, что есть много чего, на что они большие не имеют права. Играть в сквере. Кататься на велосипеде. Ходить в кино. В театр. В ресторан. В бассейн. Брать книги в библиотеке.

Она видела, как повсюду появляются надписи: «Евреям запрещено». А на дверях мастерской, где работал отец, надпись гласила: «Еврейское предприятие». Маме приходилось ходить за покупками после четырех дня, когда в магазинах уже ничего не оставалось из-за продуктовых карточек. В метро они должны были ездить только в последнем вагоне.

И возвращаться домой до наступления комендантского часа, и не выходить из дома до восхода солнца. Что еще им было позволено делать? Ничего. Ничего, подумала она.

Несправедливо. Так несправедливо. Почему? Почему они? Почему все это? Похоже, никто не в силах ей это объяснить.

Джошуа уже ждал в конференц-зале, попивая бурду, которую он считал кофе и обожал. Я поспешила войти и уселась между Бамбером, заведующим фотоотделом, и Алесандрой, заведующей отделом «Общество».

Зал выходил на улицу Мабёф с ее постоянным движением, в двух шагах от Елисейских Полей. Не самый любимый мой квартал – слишком много народа, слишком много показухи, – но я появлялась здесь каждый день, привыкнув прокладывать себе дорогу по широким пыльным тротуарам сквозь толпу туристов, неизменно толкающихся здесь в любое время дня вне зависимости от времени года.

Вот уже шесть лет я писала для американского еженедельника «Seine Scenes»¹³. Он выходил и как бумажное издание, и в интернет-версии. Я вела хронику событий, способных заинтересовать американцев, работающих за рубежом. Мне предписывалось давать «местный колорит» во всех областях, от общественной жизни до культурной – выставки, фильмы, рестораны, книги, – не забывая о предстоящих президентских выборах.

¹³ «Сцены на Сене» (англ.).

На самом деле работа была не из легких. Сроки были самые сжатые, а Джошуа отличался деспотизмом. Я хорошо к нему относилась, и все-таки он был настоящим тираном. Из тех шефов, которые отказываются принимать во внимание личную жизнь, браки, детей. Если сотрудница беременела, она становилась невидимкой. Если мать должна была остаться дома с больным ребенком, он испепелял ее взглядом. Однако у него был острый глаз, настоящий издательский талант и потрясающий дар улавливать момент. Мы склонялись перед ним, а стоило ему повернуться спиной – стонали, но работали на износ. Лет пятидесяти, родившийся и выросший в Нью-Йорке, вот уже десять лет живущий в Париже, Джошуа имел добродушный вид, которому категорически не стоило доверять. У него было вытянутое лицо и нависающие веки. Но едва он открывал рот, как становилось ясно, что говорит непререкаемый шеф. Его слушали. И никто не осмеливался его перебивать.

Бамбер был из Лондона, ему не исполнилось еще и тридцати. Он нависал каланчой в метр восемьдесят с лишком, носил очки с сиреневыми стеклами, множество пирсингов и красил волосы в оранжевый цвет. Ему был присущ чисто британский изысканный юмор, который я находила совершенно неотразимым, хотя Джошуа редко его улавливал. К Бамберу я питала слабость. А еще он служил настоящей опорой в те дни, когда Джошуа бывал не в духе и срывал свое настроение на нас. Бамбер был надежным союзником.

Алессандра была наполовину итальянкой с идеальной кожей и ненасытными амбициями. Красивая девушка с блестящими черными вьющимися волосами и ровно теми пухленькими губками, от которых мужчины дуреют на глазах. Я так и не смогла разобраться, люблю я ее или нет. Она была вдвое младше меня, а зарабатывала уже столько же, хотя мое имя появилось в выходных данных журнала гораздо раньше, чем ее.

Джошуа пробежал список будущих статей. Предстояло написать солидный аналитический обзор президентских выборов – серьезный сюжет с учетом спорной победы Жана-Мари Ле Пена в первом туре. Я особенно не рвалась взваливать это на себя и втайне порадовалась, когда он достался Алессандре.

– Джулия, – сказал Джошуа, глядя на меня из-под очков, – шестидесятилетие Вель д’Ив. Это по твоей части.

Я откашлялась. Что он такое сказал? Я расслышала что-то вроде «вельдив».

Что бы это могло значить?

Алессандра снисходительно посмотрела на меня.

– Шестнадцатое июля сорок второго года? Ни о чем не говорит? – промурлыкала она.

Я терпеть не могла этот медовый голосок мадам Всезнайки, которым она иногда изъяснялась. Как, например, сегодня.

Джошуа продолжил:

– Облава на Зимнем велодроме. Сокращенно Вель д'Ив. Знаменитый крытый стадион, где проходили велосипедные гонки. Туда были свезены тысячи еврейских семей и заперты в жутких условиях. Потом их отправили в Освенцим, и они все погибли в газовых камерах.

Я начала что-то припоминать. Но довольно смутно.

– Да, – уверенно сказала я, глядя в глаза Джошуа. – О'кей, и что я должна сделать?

Он втянул голову в плечи:

– Можешь начать с поиска выживших и свидетелей. Затем выяснишь детали памятных мероприятий: кто организует, где, когда. Потом мне будут нужны факты. Что именно произошло. Весьма деликатная работа, ты же понимаешь. Французы всегда проявляют крайнюю сдержанность, стоит заговорить обо всем этом – Виши, Оккупация... То, чем они не слишком гордятся.

– Я знаю кое-кого, кто сможет тебе помочь, – предложила Алессандра чуть менее снисходительно. – Франк Леви. Он основатель одной из самых крупных организаций, помогающих евреям отыскать родных после Холокоста.

– Я слышала о нем, – откликнулась я, записывая имя.

Франк Леви действительно был известной личностью. Он выступал на конференциях и писал статьи о расхищении имущества евреев и депортации.

Джошуа отхлебнул глоток кофе.

– Мне не нужно никакой размазни, – сказал он. – И

никакой сентиментальщины. Только факты. Свидетельства. И... – он бросил взгляд на Бамбера, – хорошие фото, способные встряхнуть любого. Поройся в архивах. Как сама понимаешь, много ты там не нароешь, но, может, этот Леви сможет найти что-то еще.

– Для начала я сам съезжу в Вель д'Ив, – бросил Бамбер. – Просто чтоб иметь представление.

Джошуа иронично усмехнулся:

– Вель д'Ив больше не существует. Его снесли в пятьдесят девятом.

– А где он был? – спросила я, счастливая тем, что оказалась не единственной невеждой.

У Алессандры опять ответ был наготове:

– Улица Нелатон. В Пятнадцатом округе.

– Все равно имеет смысл туда съездить, – сказала я, глядя на Бамбера. – Возможно, на этой улице еще остались люди, которые помнят, что там случилось.

Джошуа пожал плечами.

– Попытай счастья, если хочешь, – бросил он. – Но сильно сомневаюсь, что ты найдешь кучу людей, готовых об этом распространяться. Как я уже сказал, для французов это очень чувствительная тема, и они до сих пор ее сторонятся. Не забудьте, что именно французская полиция задержала те еврейские семьи. Не нацисты.

Слушая Джошуа, я постепенно осознавала, как мало знаю о событиях, произошедших в Париже в июле сорок второго.

Это не входило в мою школьную программу в Бостоне. А с тех пор как я перебралась в Париж, назад тому уже двадцать пять лет, я ничего об этом не читала. Похоже, тут было нечто вроде тайны. Нечто, зарытое в прошлом. О чем никто не говорит. Мне не терпелось усесть за компьютер и начать поиски в Интернете.

Как только собрание закончилось, я устремила в ту каморку, которая служила мне кабинетом, прямо над шумной улицей Мабёф. Мы сосуществовали в тесноте. Но я привыкла и не обращала внимания. Дома мне работать было негде. Бертран пообещал, что в новой квартире у меня будет большой кабинет. Мой собственный. Наконец-то! Слишком уж хорошо, даже не верилось. Впрочем, к такой роскоши быстро привыкаешь.

Я включила компьютер, зашла в Интернет, открыла «Гугл». Набрала «зимний велодром вель д'ив». Сайтов было очень много. И очень конкретных. Большая часть на французском.

Я читала весь день. Ничего больше не делала, только читала, записывала информацию, искала книги об Оккупации и облавах. Отметила, что многих изданий уже не было в доступе. Потому, что никто не хотел читать про Вель д'Ив? Это никого не интересовало? Я обзвонила несколько книжных магазинов. Мне ответили, что будет сложно отыскать то, что мне нужно. Сделайте все возможное, попросила я.

Вконец вымотанная, я выключила компьютер. Болели гла-

за. Голова гудела, а на сердце была тяжесть. На меня давило то, что я узнала.

Более четырех тысяч еврейских детей были собраны на Вель д'Ив, большинству было от двух до двенадцати лет. Почти все они были французами, то есть родившимися во Франции.

Никто из них не вышел живым из Освенцима.

День, казалось, никогда не кончится. Это было невыносимо. Прижавшись к матери, девочка смотрела, как окружающие их люди медленно сходили с ума. Ни есть, ни пить было нечего. Жара стояла невыносимая. Воздух был насыщен сухой раздражающей пылью, от которой щипало в глазах и в горле.

Большие ворота стадиона были закрыты. Вдоль стен выстроились полицейские с непроницаемыми лицами, они молча грозили им оружием. Невкуда идти. Ничего не поделать. Оставалось только сидеть и ждать. Но чего ждать? Что с ними будет, что будет с ее семьей и со всеми этими людьми?

Вместе с отцом она попыталась добраться до туалетов на другой стороне арены. В нос ударило невообразимое зловоние. Было слишком мало кабинок для такого количества людей, и вскоре туалетами уже нельзя было пользоваться. Девочке пришлось присесть у стены, чтобы облегчиться, борясь с неудержимыми рвотными позывами и прижимая руку ко рту. Люди писали и испражнялись, где могли,

мучаясь от стыда, сломленные, скорчившиеся, как животные. Она увидела старую женщину, которая пыталась сохранить остатки собственного достоинства, спрятавшись за пальто мужа. Другая задыхалась от ужаса и трясла головой, зажав руками нос и рот.

Девочка шла за отцом сквозь толпу, возвращаясь к тому месту, где они оставили мать. Они с трудом пробирались по трибунам, заваленным пакетами, сумками, матрасами, люльками. Из-за людей арена казалась черной. «Сколько же их тут?» – подумала девочка. Дети бегали по проходам, неряшливые, грязные, и кричали, что они хотят пить. Беременная женщина, почти потерявшая сознание от жары и жажды, вопила из последних сил, что она умирает, что она вот-вот умрет. Какой-то старик вдруг рухнул, вытянувшись во весь рост на пыльной земле. Лицо у него сделалось синим, его сотрясали конвульсии. Никто не отреагировал.

Девочка села рядом с матерью. Та была на удивление спокойна. Она больше ничего не говорила. Девочка взяла ее руку и сжала в своей. Мать будто не почувствовала. Отец подошел к полицейскому и попросил воды для жены и детей. Тот сухо ответил, что воды сейчас нет. Отец сказал, что это отвратительно, никто не имеет права обращаться с ними как с собаками. Полицейский повернулся к нему спиной и отошел.

Девочка опять заметила Леона, мальчика, которого ви-

дела в гараже. Он слонялся в толпе и не сводил глаз с закрытых ворот. Она обратила внимание, что на нем не было желтой звезды – она была сорвана. Девочка встала и подошла к нему. Лицо у него было грязное, один синяк на левой щеке, другой на ключице. «Неужели она станет похожа на него, на измученное, побитое существо?» – подумала она.

– Я выберусь отсюда, – сказал он ей тихо. – Родители велели мне так и сделать. Прямо сейчас.

– Но как ты это сделаешь? – удивилась она. – Тебе же полицейские не дадут.

Мальчик посмотрел на нее. Он был того же возраста, что и она, десяти лет, но выглядел намного старше. В нем не осталось ничего детского.

– Найду способ, – твердо сказал он. – Родители велели мне бежать. Они сняли с меня звезду. Это единственный выход. Иначе конец. Конец нам всем.

Ее опять охватил леденящий страх. Конец? Неужели мальчик прав и это действительно конец?

Он глянул на нее с долей презрения:

– Ты мне не веришь, да? А ведь тебе следовало бы пойти со мной. Сорви свою звезду, и идем прямо сейчас. Мы спрячемся. Я о тебе позабочусь. Я знаю, что делать.

Она подумала о младшем брате, который ждал ее в шкафу. Погладила кончиками пальцев ключ, все еще лежавший у нее в кармане. Почему бы не пойти с этим ловким и умным мальчиком? Тогда она сможет спасти брата, да и са-

ма спасется.

Но она чувствовала себя слишком маленькой и слабой, чтобы решиться на такое. Ей было очень страшно. И потом, как же родители?.. Мать... Отец... Что с ними будет? И правду ли говорит Леон? Можно ли ему доверять?

Он положил ей руку на плечо. Почувствовал, что она колеблется.

– Идем со мной, – настойчиво повторил он.

– Я не уверена, – пробормотала она.

Он отступил:

– А я все решил. Я ухожу. До свидания.

Она смотрела, как он направляется к выходу. Полиция запускала все больше народу, стариков на носилках и в креслах-каталках, бесконечную вереницу рыдающих детей и плачущих женщин. Она видела, как Леон смеялся с толпой в ожидании удобного момента.

Один из полицейских ухватил его за ворот и отшвырнул назад. Но Леон был ловким и быстрым. Он тут же вскочил и продолжил медленно продвигаться к воротам, как пловец, который борется с течением. Девочка зачарованно за ним наблюдала.

Несколько матерей устремились ко входу и, обезумев от ярости, требовали воды для своих детей. Полиция на мгновение растерялась, не зная, что предпринять. Девочка видела, как в начавшейся сумятице мальчик с быстротой молнии проскользнул в толпу. Потом он исчез.

Она вернулась к родителям. Близилась ночь, и по мере наступления сумерек в ней, как и в тысячах заключенных вместе с нею людей, росло отчаяние, словно чудовищный монстр, вырвавшийся из-под контроля. Полное, абсолютное отчаяние вгоняло ее в панику.

Она постаралась закрыть глаза, нос, уши, отвлечься от запахов, пыли, жары, криков ужаса, картины взрослых в слезах, стонущих детей, но ей не удавалось.

Единственное, на что она была способна, – это смотреть, безмолвно и беспомощно. На самом последнем, самом высоком ряду трибун, прямо под навесом, где теснилась группа людей, она вдруг заметила волнение. Душераздирающий крик, развевающаяся одежда, летящая поверх перил, глухой удар о землю арены. И замершая в ужасе толпа.

– Папа, что это было? – спросила она.

Отец постарался отвернуть лицо дочери.

– Ничего, милая, совсем ничего. Просто какая-то одежда упала.

Но она все рассмотрела. Она знала, что произошло. Молодая женщина возраста ее матери и ее маленький ребенок. Они прижались друг к другу. И прыгнули. С последнего ряда.

Со своего места она видела разбитое тело женщины и окровавленный череп ребенка, разлетевшийся, как спелый помидор.

Девочка опустила голову и заплакала.

Когда я была еще маленькой и жила на Хислоп-роуд, в

Бруклине, штат Массачусетс, я и представить себе не могла, что однажды перееду во Францию или выйду замуж за француза. Я думала, что всю жизнь проживу в Штатах. В одиннадцать лет я влюбилась в Эвана Фроста, соседского сына. Паренек словно сошел с рисунка Нормана Рокуелла: вся физиономия в веснушках и брекеты во рту, а его собака, Инки, обожала колобродить на ухоженных грядках моего отца.

Мой отец, Шон Джармонд, преподавал в Массачусетском технологическом институте. Этаким «профессор Нимбус»¹⁴ с вечно взъерошенной шевелюрой и в совиных очках. Студенты его любили. Моя мать, Хизер Картер Джармонд, бывшая чемпионка по теннису Майами, была женщиной рослой, атлетически сложенной и загорелой. Время, казалось, было над ней не властно. Она занималась йогой и питалась исключительно био.

По воскресеньям мой отец и мистер Фрост, наш сосед, бесконечно пререкались через изгородь из-за Инки и того разора, который пес учинял среди наших тюльпанов. В это время мать готовила на кухне медовые пирожки из цельного зерна и тяжело вздыхала. Больше всего она не любила конфликты. Не обращая внимания на перепалку, моя сестра Чарла продолжала смотреть свои любимые сериалы, поглощая килограммами лакричные палочки. На втором этаже

¹⁴ Очень популярный персонаж французских комиксов, появившийся в сороковых годах и просуществовавший 60 лет. Носил круглые очки, а на голове у него был хохолок в форме вопросительного знака.

мы с моей лучшей подругой Кэти Лейси подглядывали из-за штор за великолепным Эваном Фростом, который играл с объектом праведного гнева моего отца – черным лабрадором.

У меня было счастливое защищенное детство. Никаких бурных событий, никаких раздоров. Школа в конце улицы. Мирное празднование Дней благодарения. Уютный Новый год. Долгое ленивое лето в Наханте¹⁵. Месяцы без происшествий, слагавшиеся из недель без происшествий. Единственным, что отравляло мое безоблачное счастье, была учительница в пятом классе, некая мисс Сиболд с платиновыми волосами: она вгоняла меня в ужас, читая нам «Сердце-предатель» Эдгара Аллана По. Из-за нее меня много лет мучили кошмары.

Именно в подростковом возрасте я впервые ощутила зов Франции, то подспудное влечение, которое все больше овладевало мной с течением времени. Почему Франция? Почему Париж? Меня всегда привлекал французский язык. Он казался мне более мягким, более чувственным, чем немецкий, испанский или итальянский. Я даже великолепно подражала французскому скунсу Пепе Ле Пью из «Looney Tunes»¹⁶. Но в глубине души я знала, что мое растущее стремление в Па-

¹⁵ Небольшой город в Массачусетском заливе, на побережье Атлантического океана.

¹⁶ «Looney Tunes» (англ. «Безумные мелодии») – анимационный сериал, а также группа мультипликационных персонажей, которые первоначально являлись пародией на мультфильмы Диснея.

риж не имеет ничего общего с теми расхожими представлениями о нем, которые бытовали среди американцев, – как о городе романтическом, шикарном и секси. Для меня он был чем-то совсем иным.

Когда я впервые открыла для себя Париж, меня заворовили его контрасты. Грубые, простонародные кварталы значили для меня не меньше, чем внушительные здания и магистрали, несущие на себе отпечаток деятельности барона Османа¹⁷. Мне хотелось все знать о парадоксах, тайнах и сюрпризах этого города. Я потратила двадцать лет, пытаюсь влиться в его мир, и мне это удалось. Я научилась примиряться с дурным настроением официантов и с грубостью таксистов. Научилась водить машину по площади Этуаль, не обращая внимания на ругань нервных водителей автобусов и – поначалу это шокировало еще больше – оскорбления от элегантных блондинок с цветными прядями, разъезжающих на роскошных черных «Купер-мини»¹⁸. Я научилась отвечать агрессивным консьержкам, надменным продавщицам, равнодушным телефонисткам и напыщенным медикам. Я узнала, до какой степени парижане считают себя выше всех остальных, в особенности всех прочих французских граждан, от Ниццы до Нанси, еще более пренебрежительно от-

¹⁷ *Барон Жорж Эжен Осман* (1809–1891) – французский государственный деятель, префект департамента Сена, перестроивший Париж.

¹⁸ Легендарный небольшой спортивный автомобиль.

носясь к обитателям предместий Города Света¹⁹. Я узнала, что остальная Франция называет жителей столицы «парижанцы-засранцы» и не питает к ним теплых чувств. Никто не может любить Париж так, как настоящий парижанин. Никто не гордится своим городом так, как настоящий парижанин. Ему нет равных в этой почти презрительной спеси, такой мерзкой и такой неотразимой. Почему я так люблю Париж, спрашивала я себя? Может, потому, что я всегда знала, что никогда по-настоящему не стану его частью. Этот город оставался для меня закрытым, отсылая меня туда, откуда я явилась. *Американка*. И такой я останусь навсегда.

В возрасте Зоэ я уже хотела стать журналисткой. Начала писать статьи в наш лицейский еженедельник. И с тех пор не останавливалась. Я переехала жить в Париж в двадцать с небольшим, получив в бостонском университете диплом по английской литературе. Первым местом моей работы была должность ассистентки в американском журнале мод, но я быстро оттуда ушла. Мне хотелось чего-то более значимого, чем длина юбок или новые тенденции сезона весна-лето.

После недолгого пребывания в мире моды я согласилась на первую же работу, которую мне предложили. Пришлось переписывать телеграфные сообщения для американского телевидения. Зарплата была не ахти, но мне хватало на оплату жилья в Восемнадцатом округе – комнаты в квартире, которую я делила с парочкой французов-гомосексуалов, Эрве

¹⁹ Одно из названий Парижа.

и Кристофом. Они стали мне настоящими друзьями.

Я собиралась на этой неделе поужинать у них на улице Берт, там, где я жила, когда встретила Бертрана. Он редко ходил со мной в гости к бывшим соседям. Иногда я спрашивала себя, почему Эрве и Кристоф ему неинтересны. «Да потому, птичка моя, что твой драгоценный супруг, как и большинство благовоспитанных буржуа в этой стране, предпочитает общество женщин обществу геев!» Так мне сказала в один прекрасный день моя подруга Изабель своим тягучим голосом, в котором всегда проскальзывал легкий лукавый смех. И она была права. Бертран определенно был мужчиной для женщин. «До мозга костей», – добавила бы Чарла.

Эрве и Кристоф по-прежнему жили в квартире, которую мы с ними когда-то делили, только теперь они превратили мою комнату в гардеробную. Кристоф был настоящей жертвой моды, чего и не отрицал. Поужинать у них мне было в радость. На этих вечеринках всегда бывали интересные люди: знаменитая манекенщица, певец, скандальный писатель, сосед-гей, довольно милый канадский журналист или американский (в данном случае я) молодой начинающий издатель... Эрве работал адвокатом в международной компании. Кристоф был музыкантом.

Они мои настоящие друзья и очень мне дороги. В Париже у меня были и другие друзья – выходцы из Америки Холли, Сюзанна и Яна, кого-то из них я встретила благодаря журналу, в котором работала, других – в американской школе, ко-

гда развешивала небольшие объявления, ища бебиситтера. Имелось и несколько близких друзей, таких как Изабель, с которой я познакомилась в зале «Плейель», где Зоэ занималась танцами. Но Эрве и Кристоф оставались единственными, кому я могла позвонить в час ночи, когда чувствовала себя несчастной из-за Бертрана. Это они примчались в больницу, когда Зоэ сломала лодыжку, упав со своего самоката. Они никогда не забывали про мой день рождения. Они знали, на какой фильм мне стоит сходить, какой диск купить. Их ужины при свечах всегда были верхом изысканности.

Я прибыла с бутылкой охлажденного шампанского. «Кристоф еще в душе», – сказал мне Эрве, открывая дверь. Усатый стройный сорокалетний брюнет, Эрве был сама милота. Он дымил как паровоз. Никто так и не смог убедить его бросить. В конце концов мы все от него отстали.

– Красивый пиджачок, – заметил он, откладывая сигарету, чтобы открыть шампанское.

Эрве и Кристоф всегда внимательно относились к тому, что я носила, не забывая отметить новые духи, новый макияж, новую стрижку. В их обществе я никогда не чувствовала себя *американкой*, готовой прилагать сверхчеловеческие усилия, лишь бы соответствовать критериям парижского шика. Я чувствовала себя самой собой. Вот это я и ценила в них более всего.

– Сине-зеленый цвет потрясающе идет к твоим глазам. Где ты его купила?

– В «Н&М», на улице Ренн.

– Выглядишь великолепно. Ну, как там дела с новой квартирой? – спросил он, протягивая мне бокал и теплый тост с тарамой.

– Учитывая, сколько всего предстоит сделать, это затянется еще на много месяцев! – вздохнула я.

– Полагаю, твой муж-архитектор весь в предвкушении задуманных перестроек?

Я согласно опустила глаза:

– Ты хочешь сказать, что он неутомим.

– Ага, – заключил Эрве, – значит, с тобой он ведет себя как настоящая заноза в заднице.

– Верно говоришь, – кивнула я, делая глоток шампанского.

Эрве внимательно всмотрелся в меня сквозь свои маленькие очки без оправы. У него были светло-серые глаза и до смешного длинные ресницы.

– Эй, Жужу, – бросил он, – ты уверена, что у тебя все в порядке?

Я, глядя на него, широко улыбнулась:

– Да, Эрве, у меня все отлично.

Это «отлично» было прямо противоположно моему теперешнему состоянию. Все, что я в последнее время узнала об июльских событиях сорок второго года, сделало меня уязвимой, разбередило во мне то, что я всегда замалчивала, и теперь это не отпускало меня и лежало камнем на сердце. Я

постоянно ощущала этот груз с того самого времени, как начала изыскания относительно Вель д'Ив.

– Мне кажется, ты не в своей тарелке, – обеспокоенно сказал Эрве. Он присел рядом со мной и положил свою длинную белую ладонь мне на колено.

– Мне знакомо такое твое лицо, Джулия. Ты бываешь такой, когда тебе грустно. А теперь расскажи, что происходит.

Единственное, что она смогла придумать, чтобы укрыться от окружающего ее ада, – это спрятать голову в колени и заткнуть руками уши. Она сидела, раскачиваясь взад-вперед и прижав лицо к ногам. Надо думать о чем-то хорошем, обо всем, что она любила, что делало ее счастливой, вспомнить обо всех чудесных моментах, которые она пережила. О том, как мать водила ее к парикмахеру и все хвалили ее густые, медового цвета волосы, заверяя, что она будет ими гордиться, когда вырастет.

Руки ее отца, работающего с кожей в мастерской, руки сильные и ловкие. Она восхищалась его талантом. Ее десятый день рождения и новые часики в красивой синей коробочке, с кожаным браслетом, который изготовил отец: мощный, пьянящий запах кожи и тихое тиканье часов. Подарок очаровал ее. Да, она им гордилась. Но Мама сказала, что в школу их надевать нельзя. Девочка может разбить их или потерять. Она показала их только своей лучшей подруге, Армель, и та чуть не умерла от зависти!

Где сейчас Армель? Она жила в конце улицы, они вме-

сте ходили в школу. Но Армель уехала из Парижа в начале школьных каникул. Она отправилась вместе с родителями куда-то на юг. Девочка получила от нее одно-единственное письмо, и всё. Армель, очень умная, с рыжими волосами. Она знала наизусть всю таблицу умножения и выучивала даже самые запутанные правила грамматики.

Но больше всего девочке нравилось в подруге то, что она ничего не боялась. Даже когда в классе начинали реветь, как беешные волки, сирены воздушной тревоги и все вскакивали с мест, Армель сохраняла спокойствие. Она брала подругу за руку и вела в школьный подвал, пахнущий плесенью, не обращая внимания на испуганные перешептывания других учеников и приказания, которые дрожащим голосом отдавала мадемуазель Диксо. Потом они прижимались друг к другу, плечо к плечу, во влажной темноте, сквозь которую едва пробивался дрожащий свет свечей, и так сидели – им казалось, что долгие часы. Они слушали рокот самолетов над их головами, пока мадемуазель Диксо читала им Жана де Лафонтена или Мольера, стараясь унять дрожь в руках. «Посмотри на ее руки, – хихикала Армель, – ей страшно, она едва читает, ну посмотри же». Девочка бросала на подругу вопросительный взгляд и шептала: «А тебе разве не страшно? Ну хоть чуточку?» Ответ начинался с колыхания рыжих кудрей: «Мне? Нет. Мне не страшно». Иногда, когда от грохота самолетов начинали дрожать грязные стены подвала, а голос мадемуазель Диксо прерывался и стихал, Ар-

мель вцеплялась в руку подружки и сжимала ее изо всех сил.

Ей очень не хватало Армель, ей бы так хотелось, чтобы она была здесь и сказала, что бояться не надо. Ей не хватало веснушек Армель, ее лукавых глаз и дерзкой улыбки. Думай о вещах, которые ты любишь, которые делают тебя счастливой.

Прошлым летом или позапрошлым, точно она уже не помнила, Папа отвез их на несколько дней в деревню, к реке. Названия реки она тоже не помнила, помнила только, что вода так нежно, так чудесно ласкала ей кожу. Отец попытался научить ее плавать. Прошло несколько дней, но она могла только барахтаться, как неуклюжий щенок, что очень веселило всех вокруг. А на берегу ее братик заходился от возбуждения и радости. Он был тогда совсем маленьким. Она весь день бегала за ним следом, чтобы успеть поймать, прежде чем он с визгом поскользнется на глинистых берегах потока. Мама и Папа были такими спокойными, такими молодыми, такими влюбленными. Мама клала голову на плечо Папы. Девочка вспоминала о маленькой гостинице на берегу, где они ели простые и вкусные блюда, на воздухе, в уютной зеленой беседке. Хозяйка попросила ее помочь разнести кофе, и она чувствовала себя большой и важной, пока не опрокинула чашку на туфли клиента. Но хозяйка не рассердилась, она была очень милой.

Девочка подняла голову и увидела, что мать разговаривает с Евой, молодой женщиной, которая жила неподалеку

от них. У Евы было четверо маленьких детей, мальчишек, ужасных непосед, девочка их не очень любила. На лицо Евы легла та же печать, что и у матери, она выглядела растерянной и постаревшей. «Как могли эти женщины так постареть всего за одну ночь?» – подумала девочка. Ева тоже была полькой. И ее французский, как и у матери, был не очень хорош. Семья Евы, как и родня отца и матери девочки, все еще оставалась в Польше: родители, тети и дядья. Девочка вспомнила тот ужасный день – когда же это было? не так уж и давно, – день, когда Ева получила письмо из Польши и кинулась к ним, вся в слезах, чтобы рухнуть в объятия матери. Та постаралась ее утешить, но девочка знала, что мать тоже испытала удар. Никто так и не пожелал ей объяснить, что случилось, но девочка поняла, сосредоточенно ловя каждое слово на идише, которое могла разобрать, несмотря на рыдания. В Польше происходили ужасные вещи: целые семьи были убиты, дома сожжены. Остались только пепел и руины. Она спросила у отца, все ли хорошо с дедушкой и бабушкой, – теми самыми, чьи фотографии стояли на мраморном камине в гостиной. Отец ответил, что не знает. Новости из Польши были плохие, но он не хотел ничего ей рассказывать.

Не сводя глаз с Евы и матери, девочка спросила себя, правы ли были родители, оберегая ее от всех тревожных и тяжелых новостей, держа ее в неведении. Правы ли были, когда не стали объяснять, почему все так изменилось для них

с начала войны. Как в тот день в прошлом году, когда муж Евы не вернулся. Он исчез. Куда он пропал? Никто не хотел ей говорить. Она терпеть не могла, когда с ней обращались как с ребенком. Терпеть не могла, когда взрослые переходили на шепот, стоило ей зайти в комнату.

Если бы они ей сказали, если бы сказали все, что знали сами, ей было бы сегодня легче?

– Со мной все в полном порядке, просто немного устала, и все. Ну, кого вы еще сегодня ждете?

Прежде чем Эрве успел ответить, в комнату зашел Кристоф – воплощение истинно парижского шика, весь в изысканной гамме цветов – в хаки и молочно-белом, и с ароматом духов класса люкс. Кристоф был чуть моложе Эрве, круглый год ходил загорелым и стягивал волосы с пробивающейся серединой в хвост на затылке, «а-ля Карл Лагерфельд».

В ту же секунду в дверь позвонили.

– Ага, – сказал Кристоф, посылая мне поцелуй, – это, наверно, Гийом.

И побежал открывать.

– Гийом? – поинтересовалась я у Эрве.

– Новый друг. Работает в рекламе. Разведен. Умный парень. Тебе он очень понравится. Нас будет всего четверо. Остальные уехали за город, все-таки три дня выходных.

Гийом был высоким, темноволосым, ближе к сорока. Он принес ароматизированную свечу и букет роз.

– Познакомься, это Джулия Джармонд, – представил меня

Кристоф. – Наша любимая подруга-журналистка, мы знаем ее еще с тех пор, когда ты был совсем юным.

– То есть со вчерашнего дня... – пробормотал Гийом с чисто французской галантностью.

Я старалась почаще улыбаться, зная, что Эрве следит за мной. Странно, ведь в любое другое время я бы доверилась ему. Рассказала бы, как странно я себя чувствую всю последнюю неделю. О проблемах с Бертраном. Я всегда стойко переносила провокации мужа, его иногда очень неприятный юмор. Меня это никогда не задевало и не смущало. Но сейчас все переменилось. Раньше я восхищалась его умом, прищипывая его сарказмом. Я только больше влюблялась в него.

Люди смеялись его остротам. Они его даже немного побаивались. За его неотразимым смехом, искристыми синими глазами и чарующей улыбкой скрывался человек жесткий и требовательный, привыкший получать все, что захочет. Я сносила все это, потому что всякий раз, когда он понимал, что задел меня, он приносил извинения, не жалея цветов и подарков. И страстной любви. Именно в постели наша связь с Бертраном становилась истинной – там никто ни над кем не стремился взять верх. Я вспомнила, как Чарла однажды сказала мне после какой-то особенно едкой тирады моего супруга: «Интересно, этот монстр хоть изредка обращается с тобой по-человечески?» Потом, увидев, что я слегка покраснела, добавила: «Господи! Вот теперь картина ясна. Воссоединение на постели. Дело сильнее слов!» И она вздохнула,

похлопав меня по руке. Почему же сегодня вечером я не стала откровенничать с Эрве? Что-то меня удерживало. Я так и не промолвила ни слова.

Когда мы расселись за большим восьмиугольным столом, Гийом спросил меня, в каком издании я работаю. Я ответила, но на его лице ничего не отразилось. Французы не знали «Seine Scenes». Его читали только живущие в Париже американцы. Мне было все равно. Я никогда не гонялась за славой. У меня была хорошо оплачиваемая работа, которая оставляла мне свободное время, несмотря на приступы деспотизма у Джошуа, и меня это вполне удовлетворяло.

– И над чем вы сейчас работаете? – вежливо спросил Гийом, наматывая на вилку зеленые тальятелле.

– Над Вель д’Ив, – ответила я. – Скоро будет шестидесятилетний юбилей.

– Ты имеешь в виду ту облаву во время войны? – уточнил Кристоф с полным ртом.

Я собиралась ответить, когда заметила, что вилка Гийома застыла между его ртом и тарелкой.

– Да, та большая облава на Зимнем велодроме, – подтвердила я.

– Но ведь дело было где-то за пределами Парижа? – продолжал Кристоф, не прекращая жевать.

Гийом мягко положил вилку. Его глаза не отрывались от моих. Темные глаза, изящные, четко очерченные губы.

– Нацистские штучки, я полагаю, – сказал Эрве, подливая

еще шардоне. Никто из них двоих, кажется, не заметил, как исказилось лицо Гийома. — Нацисты хватали евреев во время Оккупации.

— На самом деле это были не немцы... — начала я.

— Это была французская полиция, — прервал меня Гийом. — И это произошло в центре Парижа. На стадионе, где проходили знаменитые велосипедные гонки.

— Ну да? Правда? — удивился Эрве. — А я думал, что это были нацисты и где-то в пригороде.

— Я изучаю информацию по теме вот уже неделю, — пояснила я. — По приказу немцев, это да, но все сделала французская полиция. Ты не проходил это в школе?

— Я уже не помню. Но вряд ли, — признался Кристоф.

Глаза Гийома снова уставились на меня, словно он пытался что-то выведать. Меня это смутило.

— Просто в голове не укладывается, — протянул Гийом с ироничной усмешкой, — сколько французов до сих пор не знают, что там произошло. А как американцы? Вы были в курсе, прежде чем начали работать над сюжетом, Джулия?

Я не отвела взгляд:

— Нет, я ничего не знала, и в семидесятые годы никто мне ничего об этом не рассказывал в школе в Бостоне. Но теперь я кое-что знаю. И то, что я прочла, меня потрясло.

Эрве и Кристоф замолчали. Они выглядели растерянными, не знали, что сказать. В конце концов заговорил Гийом:

— В июле девяносто пятого Жак Ширак стал первым пре-

зидентом Французской республики, привлечшим внимание к той роли, которую сыграло французское правительство во время Оккупации. Особенно в связи с этой облавой. Его речь была на всех первых полосах. Вы помните?

В ходе своих поисков я наткнулась на речь Ширака. Она была совершенно недвусмысленной. Но шестью годами раньше она прошла мимо меня. А мальчики – я продолжала их так называть, это было сильнее меня, – очевидно, вообще не помнили об этой речи. Они смотрели на Гийома широко открытыми, удивленными глазами. Эрве курил сигарету за сигаретой, а Кристоф грыз ногти – так он делал всегда, когда нервничал или чувствовал себя неловко.

За столом надолго воцарилось молчание. Даже странно, что в этой комнате может быть так тихо. Здесь прошло столько шумных, веселых вечеринок, люди хохотали до упаду, шуточки сыпались одна за другой, оглушительно гремела музыка. Столько игр, поздравлений с днем рождения, танцев до зари, несмотря на ворчащих соседей, которые швабрами стучали в потолок.

Молчание было тягостным и болезненным. Когда Гийом снова заговорил, его голос изменился. Лицо тоже. Он побледнел и больше не мог смотреть нам в глаза. Склонился головой к тарелке, к которой так и не притронулся.

– Моей бабушке было пятнадцать лет в день облавы. Ей сказали, что она свободна, потому что они забирали только детей помладше, от двух до двенадцати лет, вместе с роди-

телями. Она осталась одна. Всех остальных увели. Ее младших братьев, младшую сестру, мать, отца, дядю. Тогда она видела их в последний раз. Никто не вернулся. Никто.

Глаза девочки так и не оправились от ночного кошмара. Они слишком много видели. Перед самым восходом беременная женщина родила недоношенного ребенка, мертвого. Девочка была свидетельницей криков и слез. Она видела, как показалась голова ребенка, измазанная кровью, между ног его матери. Она знала, что лучше не смотреть, но это было сильнее ее: замороженная и обьятая ужасом, она не могла отвести взгляд. Она видела мертвого младенца, его серую восковую кожу, — он был похож на скорченную куклу, которую поспешили прикрыть грязной простыней. Женщина продолжала невыносимо стонать, и никто не был в силах ей помочь.

На заре отец опустил руку в карман девочки, чтобы забрать ключ от шкафа. Затем он пошел поговорить с полицейским. Показал тому ключ. Объяснил ситуацию. Девочка видела, что он пытается сохранять спокойствие, хотя явно был на пределе. Объяснил, что ему необходимо забрать сына, которому всего четыре года. Он должен вернуться в квартиру. Он только возьмет сына и немедленно придет обратно, честное слово. Полицейский рассмеялся ему в лицо: «И ты думаешь, я тебе поверю, дурачина несчастный?» Отец продолжал настаивать, предложил полицейскому поехать с ним, повторял, что хочет только забрать ребенка

и сразу же вернется. Полицейский велел ему отстать. Отец вернулся на свое место, сел сгорбившись. И заплакал.

Девочка забрала у него ключ и положила себе в карман. Она все думала, сколько еще выдержит брат. Он наверняка ждал ее. Он ей верил. Верил безоглядно, до конца.

Ей была невыносима мысль, что он ждет ее, один, в темноте. Он наверняка хочет есть и пить. Вода, скорее всего, давно кончилась. И батарейка в фонарике села. И все равно лучше уж так, чем оказаться в ловушке здесь, — вот что она думала. Что может быть хуже, чем эта адская вонь, душающая жара, пыль и оружие или умирающие люди.

Она посмотрела на мать: та ушла в себя и уже два часа ничего не говорила. Потом на отца: лицо у него было потерянное, глаза ввалились. Потом посмотрела вокруг себя. Увидела Еву и ее несчастных, измученных детей. Увидела семьи, всех этих людей, незнакомых, но с такой же, как у нее, желтой звездой на груди. Увидела тысячи детей, беспокойных, перевозбужденных, голодных, страдающих от жажды; самые маленькие еще ничего не понимали, только думали, что эта странная игра слишком затянулась, и просили вернуться домой, чтобы снова оказаться в своей постели с любимым плюшевым мишкой.

Она попыталась передохнуть, опустив подбородок на колени. Жара, чуть спавшая за ночь, вернулась с первыми лучами солнца. Девочка не понимала, как сможет выдержать здесь еще один день. И чувствовала себя такой ослабевшей,

такой усталой. Горло было сухим, как пергамент. Желудок болел, потому что был пуст.

В какой-то момент она задремала. Ей снилось, что она вернулась домой, в свою маленькую комнату, выходящую на улицу, что она идет по гостиной, где люющее в окна солнце выписывает красивые световые узоры на мраморе каминна и на фотографии бабушки. Во сне она слышит, как учитель музыки играет на другой стороне зеленеющего двора. «На Авиньонском мосту все танцуют, все танцуют, на Авиньонском мосту все танцуют, вставши в круг». Мать готовит обед, подпевая: «Красивые кавалеры делают так, а потом еще эдак». Младший брат возится в коридоре с красным паровозиком, катая его по паркетинам и громко стуча о стены – «бух!», «бах!». «Красивые дамы делают так, а потом еще эдак». Она буквально вдыхала запах дома, жгивительный запах воска и приправ, к которому примешивались чудесные ароматы блюд, которые стряпала мать. А еще звучал голос отца, читающего жене книгу. Они в безопасности. Они счастливы.

Она почувствовала, как прохладная рука опустилась ей на лоб. Подняла глаза и увидела женицину в синей косынке с крестом.

Женицина улыбнулась и протянула ей стакан холодной воды, которую девочка с жадностью выпила. Потом медсестра протянула ей сухой хлебец и баночку сардин.

– Будь мужественной, – тихо проговорила молодая жен-

щина.

Но девочка видела, что она, как и отец, говорит со слезами на глазах.

— Я хочу уйти отсюда, — прошептала девочка. Ей хотелось вернуться в свой сон, в эту гавань мира и безопасности.

Медсестра склонила голову. Снова улыбнулась, но улыбка вышла натянутой и грустной.

— Понимаю. Но ничего не могу поделать. Мне очень жаль. Она встала и направилась к следующей семье. Девочка удержала ее за рукав.

— Пожалуйста, скажите, когда мы уйдем отсюда. Медсестра покачала головой и мягко погладила щеку девочки. И ушла.

Девочка подумала, что сходит с ума. Ей хотелось кричать, топтать ногами, она должна во что бы то ни стало покинуть это мерзкое, ужасное место. Она хотела вернуться домой, в прежнюю жизнь, в жизнь до желтой звезды, до стука полицейских в дверь.

Почему это случилось с ней, именно с ней? Что она сделала, что сделали ее родители, чтобы заслужить такое? Почему так плохо быть евреем? Почему к евреям так относятся?

Она вспомнила первый день, когда должна была прийти в школу с желтой звездой. Когда она зашла в класс, все глаза обратились на нее. Большая желтая звезда, размером с отцовскую ладонь, на ее маленькой груди. Потом она увиде-

пла, что не одна, что другие девочки в классе тоже носят такую. Как и Армель. Она почувствовала облегчение.

На перемене все девочки с желтой звездой собрались вместе. Другие ученицы, те, что раньше были их подругами, показывали на них пальцем. Однако мадемуазель Диксо настойчиво повторяла, что эта история со звездой не должна ничего изменить. Ко всем ученикам будут относиться одинаково, как раньше, — не важно, носят они звезду или нет.

Но прекрасные речи мадемуазель Диксо не помогли. Начиная с того дня большинство девочек не разговаривали с теми, кто носил желтую звезду, или, хуже того, смотрели на них с презрением. Вот этого она не могла вынести. А еще тот мальчишка, Даниэль, который прошипел им, ей и Армель, на улице у входа в школу, кривящимися от злобы губами: «Ваши родители грязные евреи, и вы сами грязные евреи!» Как это, грязные? Почему быть евреем означает быть грязным? Ей стало грустно и стыдно и захотелось плакать. Армель не ответила мальчику, она только до крови прикусила губу. Впервые девочка увидела, что ее подруге стало страшно.

Девочка хотела сорвать свою звезду. Она заявила родителям, что больше не будет ходить с ней в школу. Но мать сказала «нет», она, наоборот, должна ею гордиться — гордиться своей звездой. И брат раскапризничался, требуя и себе такую же. Но ему еще нет шести лет, мягко объяснила мать. Он должен подождать два года. И мальши дулся

весь остаток дня.

Она снова и снова думала о брате, одном в темном глубоком шкафу. Она хотела обнять его маленькое теплое тело, поцеловать светлые кудри, пухлую шейку. Она сунула руку в карман и из всех сил сжала ключ.

«Плевать мне на все, что говорят, – прошептала она самой себе. – Я найду способ выбраться отсюда, чтобы спасти его. Я уверена, что найду способ».

После ужина Эрве предложил нам «лимончелло» – лимонный ликер с юга Италии, который пьют ледяным; у него чудесный желтый цвет. Гийом медленно потягивал из своего стаканчика. За едой он мало разговаривал. Вид у него был подавленный. Я не осмеливалась вновь затронуть тему Вельд'Ив. Но он сам повернулся ко мне.

– Моя бабушка сейчас совсем старая, – начал он. – И больше не хочет об этом говорить. Но она рассказала мне все, что я должен знать, рассказала все о том дне. Я думаю, самым страшным для нее было выжить, когда все остальные погибли. Продолжать жить без них. Без семьи.

Я не знала, что сказать. Мальчики тоже молчали.

– После войны бабушка пошла в отель «Лютеция» на бульваре Распай, она ходила туда каждый день, – продолжал Гийом. – Там можно было получить сведения о вернувшихся из лагерей. Были списки и организации, которые занимались выжившими. Она приходила туда каждый день и ждала. А потом перестала. Она слышала рассказы о том, что про-

исходило в лагерях. И поняла, что все они погибли. Что ни один не вернется. Раньше никто не знал, что на самом деле там происходило. Но теперь выжившие рассказывали свои истории, и миру открылся весь ужас.

Мы молчали.

– Вы знаете, что самое шокирующее в истории с Вельд'Ив? – добавил Гийом. – Ее кодовое название.

Я уже знала благодаря своим изысканиям.

– Операция «Весенний ветер», – пробормотала я.

– Прелестное название для такого ужаса, не правда ли, – сказал он. – Гестапо велело французской полиции «сдать» определенное число евреев в возрасте от шестнадцати до пятидесяти лет. Французская полиция выказала рвение, решительно настроившись депортировать максимум евреев, а потому схватила заодно и маленьких детей, тех, которые родились во Франции. Французских детей.

– Гестапо не требовало этих детей? – спросила я.

– Нет, – ответил он. – В тот момент не требовало. Депортация детей раскрыла бы истину: стало бы очевидно, что всех евреев направят не в трудовые лагеря, а в лагеря смерти.

– Но почему они схватили детей? – продолжала недоумевать я.

Гийом сделал маленький глоток «лимончелло»:

– Возможно, французская полиция полагала, что дети евреев, даже родившиеся во Франции, все равно остаются евреями. И в результате Франция отправила около восьмиде-

сяти тысяч евреев в лагеря уничтожения. Только две тысячи из них выжили. Из них практически ни одного ребенка.

По дороге домой я все вспоминала угрюмый взгляд Гийома. Он предложил посмотреть фотографии его бабушки и ее семьи. Я дала ему свой номер телефона. Он обещал в скором времени позвонить.

Вернувшись домой, я застала Бертрана у телевизора. Он валялся на диване, закинув руку за голову.

– Ну что? – спросил он, не отрывая глаз от экрана. – Как там мальчики? По-прежнему держат планку высокой тусовки?

Я скинула туфли и присела рядом с ним. Посмотрела на его красивый тонкий профиль.

– Ужин был великолепный. И очень интересный гость. Гийом.

– Правда? – бросил Бертран, насмешливо глянув на меня. – Гомосексуал?

– Нет, не думаю. Но я все равно никогда этого не различаю.

– И чем же он оказался так интересен, этот Гийом?

– Он рассказал нам историю своей бабушки, которая спаслась во время облавы Вель д'Ив в сорок втором году.

– Гммм, – протянул он, переключая канал.

– Бертран, – спросила я, – когда ты учился в школе, тебе рассказывали о Вель д'Ив?

– Не имею ни малейшего представления, моя дорогая.

– Я сейчас работаю над этим сюжетом для нашего журнала. Скоро будет шестидесятая годовщина.

Бертран взял мою босую ногу и принялся уверенно ее массировать теплой рукой.

– Думаешь, Виль д'Ив заинтересует твоих читателей? – спросил он. – Ведь теперь это далекое прошлое. Сюжет не из тех, которые людям нравится читать.

– Потому что французам за это стыдно, так? – сказала я. – Значит, лучше все похоронить и жить дальше, как будто ничего не было, как и поступает большинство французов?

Он убрал мою ногу со своих колен, и я увидела, как в его глазах вспыхнул знакомый огонек. И приготовилась к худшему.

– Судя по настрою, – начал он с недоброй улыбкой, – ты не желаешь упустить случай продемонстрировать своим соотечественникам, до какой степени *froggies*²⁰ извращенцы и ужасные коллаборационисты, которые отправляют бедные невинные семьи на смерть, лишь бы угодить нацистам... Маленькая Мисс Нахант раскрывает всю правду! И что ты собираешься делать, любимая, сунуть туда нос по самую шею? Сегодня всем на это плевать. Никто ничего не помнит. Выбери себе другой сюжет. Что-нибудь забавное, милое. У тебя это отлично получается. Скажи Джошуа, что статья о Вель д'Ив – ошибка. Никто не станет это читать. Читатели начнут зевать от скуки и сразу полезут в другие разделы.

²⁰ «Лягушатники», французишки (англ.).

Я вскочила как ужаленная.

– Думаю, ты ошибаешься, – вскипела я. – Думаю, люди мало об этом знают. Даже Кристоф был почти не в курсе, а ведь он француз.

Бертран взорвался:

– Ну разумеется, Кристоф и читает-то с трудом. Единственные слова, которые он различает, это «Гуччи» и «Прада».

Я молча вышла из комнаты и отправилась в ванную. Почему я не послала его куда подальше? Почему пошла на попятную, как всегда? Потому что без ума от него? Без ума с первого дня, каким бы грубым, эгоистичным тираном он ни был? Но еще и умным, красивым, забавным и чудесным любовником, так ведь? Сколько ночей, казавшихся бесконечными, чувственных ночей, исполненных любви и ласк, смятых простынь, а еще его тело, его прекрасное тело, теплые губы, плутоватая улыбка. Бертран. Такой неотразимый. Такой пылкий. Вот поэтому ты всегда идешь на попятную, верно? Но надолго ли еще тебя хватит? В памяти всплыл недавний разговор с Изабель. «Джулия, ты терпишь Бертрана только потому, что боишься его потерять?» Мы сидели в маленьком кафе недалеко от зала «Плейель», ожидая наших девочек после занятия танцами. Изабель прикурила энную сигарету и посмотрела мне прямо в глаза. «Нет, – ответила я. – Я люблю его. Я действительно люблю его. Люблю таким, каков он есть». Она присвистнула с восхищением, но не без иронии.

«Счастливец! Но Господом заклинаю, когда он переходит границы, говори ему об этом. Непременно говори».

Вытянувшись в ванне, я вспоминала нашу первую встречу. На модной дискотеке в Куршевеле. Он был с шумной компанией подвыпивших друзей. Я пришла со своим тогдашним парнем, Генри, с которым познакомилась за два месяца до этого на телевидении, где работала. У нас были простые, спокойные отношения. Ни он, ни я не испытывали особой влюбленности. Мы были просто двумя американскими соотечественниками, которые прекрасно проводили время во Франции.

Бертран пригласил меня на танец. Его вроде бы совсем не смущало, что я пришла не одна. Возмущенная такой бесцеремонностью, я отказала. Вот тогда-то он и продемонстрировал, каким настойчивым может быть. «Всего один танец, мадемуазель. Всего один! Но обещаю, что это будет незабываемо!» Я бросила взгляд на Генри, тот лишь пожал плечами. Потом сказал мне: «Давай!» – и подмигнул. Тогда я встала и пошла танцевать с нахальным французом.

В свои двадцать семь лет я была очень недурна собой. В семнадцать меня выбрали «Мисс Нахант». У меня до сих пор где-то хранится диадема из стразов. Зоэ любила играть с ней, когда была маленькой. Я никогда не придавала большого значения своей внешности. Но с момента переезда в Париж я отметила, что здесь привлекаю больше внимания, чем по другую сторону океана. Я обнаружила также, что францу-

зы проявляют куда больше дерзости и предприимчивости во всем, что касается прикадрить девицу. А еще я поняла, что, хотя во мне нет ничего от изысканности парижанок – слишком высокая, слишком блондинистая, слишком зубастая, – мой вид уроженки Новой Англии вроде бы соответствовал тогдашней моде. В первые месяцы моего пребывания в Париже я была изумлена тем, как французы – и француженки – беззастенчиво разглядывают друг друга. С головы до пят, постоянно. Изучают лицо, одежду, аксессуары. Я вспоминала свою первую парижскую весну, как я шла по бульвару Сен-Мишель с Сюзанной, приехавшей из Орегона, и Яной, которая была из Виргинии. Мы вовсе не принарядились, были в джинсах, майках и вьетнамках. Но все трое были спортивными, светловолосыми и со всей очевидностью американками. Мужчины клеились к нам без остановки. Добрый день, мадемуазель, вы американки, мадемуазель? Молодые, в возрасте, студенты, клерки – самые разные, и все просили номер телефончика, приглашали на ужин, выпить вместе по стаканчику, умоляли, пробовали рассмешить, некоторые привлекательные, другие куда менее. У нас такого никогда не бывало. Американцы не пристают к девушкам на улице, чтобы продемонстрировать свою страстную натуру. Яне, Сюзанне и мне только и оставалось, что глупо хихикать от беспомощности, чувствуя себя одновременно и польщенными, и потрясенными.

Бертран всегда утверждал, что влюбился в меня во время

нашего первого танца, в том клубе в Куршевеле. Не сходя с места. Я ему не верю. Я думаю, что он-то влюбился чуть позже. Возможно, на следующее утро, когда пригласил меня на лыжную прогулку. «Черт побери, француженки не умеют так кататься», – выдохнул он, совершенно запыхавшись и глядя на меня с нескрываемым восхищением. «И как же они катаются?» – спросила я. «В два раза медленнее», – рассмеялся он, а потом страстно поцеловал меня. Как бы то ни было, сама я влюбилась в него на танцевальной дорожке. Да так, что едва удостоила Генри взглядом, покидая клуб под руку с Бертраном.

Бертран очень скоро заговорил о женитьбе. Мне бы это не пришло в голову так быстро, статуса его подружки на тот момент мне было вполне достаточно. Но он настаивал и выглядел таким обольстительным и влюбленным, что я в конце концов согласилась выйти за него. Полагаю, он решил, что я стану идеальной женой и матерью. Я умна, образованна, с приличным дипломом (закончила с отличием Бостонский университет) и «для американки» хорошо воспитана – я почти слышала эту мысль в его голове. К тому же я не жаловалась на здоровье, была крепкой и без комплексов. Не курила, не баловалась наркотиками, почти не пила и верила в Бога. Итак, по возвращении в Париж я познакомилась с семейством Тезак. В первый раз я очень нервничала. Их прекрасная квартира в безукоризненно классическом стиле на Университетской улице. Холодный синий взгляд Эдуара,

его сухая улыбка. Колетт с ее сдержанным макияжем и безупречными манерами, которая старалась держаться дружелюбно, протягивая мне кофе и сахар элегантно рукой с идеальным маникюром. И две сестры. Одна костлявая бледная блондинка, Лаура. Другая пухленькая, с красными щеками и темно-рыжими волосами, Сесиль. Присутствовал и жених Лауры, Тьерри. В тот день он мне и слова не сказал. Сестры смотрели на меня без явного интереса, недоумевая по поводу того, что их Казанова-братец выбрал довольно заурядную американку, тогда как «весь Париж» лежал у его ног.

Я знаю, чего Бертран и его семья ждали от меня: что я рожу трех-четырёх детей подряд. Но сложности начались сразу после свадьбы. Бесконечные сложности, ставшие для нас, разумеется, полной неожиданностью. Череду выкидышей, от которых я впала в отчаяние.

Я сумела родить Зоэ после шести долгих лет. Бертран еще продолжал надеяться, что у нас будет второй ребенок. Равно как и я. Но мы никогда об этом не говорили.

Потом появилась Амели.

Но это уж точно последнее, о чем мне хотелось бы думать сегодня вечером. Я достаточно раздумывала об этом в прошлом.

Между тем вода в ванне успела остыть, и я вылезла вся в мурашках. Бертран по-прежнему смотрел телевизор. В обычное время я бы вернулась к нему, он бы принял меня в объятия, укачал, поцеловал, а я бы сказала, что немного пе-

регнула палку, — голоском и с ужимками маленькой девочки. И мы бы целовались, еще и еще, и он отнес бы меня в спальню, и мы занялись бы любовью.

Но сегодня вечером я к нему не пошла. Я забралась в постель, чтобы почитать еще немного о детях Вель д'Ив.

Последней картиной, которую я видела, выключая свет, было лицо Гийома, который рассказывал историю своей бабушки.

Сколько времени они уже провели здесь? Девочка не могла себе представить. Ей казалась, что она вся одеревенела и умирает. Дни и ночи путались. В какой-то момент ей стало совсем плохо, она стонала от боли, сплевывая желчь. Почувствовала руку отца, пытавшегося ей помочь. Но все ее мысли были только о маленьком брате. Она не могла прогнать эти мысли из головы. Доставала ключ из кармана и лихорадочно целовала, как если бы это были пухлые щечки и золотые кудри брата.

В последние дни некоторые умерли, и девочка все видела. Видела, как люди сходили с ума от удушающей липкой жары, не выдерживая пекла, и в конце концов их привязывали к носилкам. Она присутствовала при сердечных приступах, самоубийствах, жутких лихорадках. Она провозжала глазами трупы, которых куда-то уносили. Она никогда еще не сталкивалась с подобным кошмаром. Ее мать превратилась в маленького покорного зверька. Она больше не говорила. Только молча плакала. И молилась.

Однажды утром из громкоговорителей раздались грубые команды. Все должны взять свои вещи и собраться у выхода. Без разговоров. Девочка встала, покачиваясь и ничего не соображая. Ноги подкашивались и едва держали ее. Она помогла отцу поднять мать. Они собрали свои сумки. Толпа, еле волоча ноги, направилась к воротам. Девочка видела, до какой степени все измучены и двигаются как в замедленной съемке. Даже дети горбились, словно старики. Девочка спросила себя, куда их ведут. Хотела задать вопрос отцу, но по его замкнутому, изможденному лицу поняла, что ответа не получит. Может, они возвращаются домой? Может, все кончилось? Неужели кончилось? Сможет ли она наконец-то вернуться к себе и освободить брата?

Они вышли на узкую улицу. Полиция оцепила их. Девочка посмотрела на лица, глядящие на них из окон, из дверей, с балконов, с тротуаров. По большей части без всякого выражения. В этих лицах не было жалости. Люди безмолвно провожали процессию взглядами. «Им плевать», – подумала девочка. Им плевать, что с нами будет и куда нас ведут. Какой-то человек стал смеяться, тыча в них пальцем. Он держал за руку ребенка. Ребенок тоже смеялся. Почему, думала девочка, почему? У нас что, такой смешной вид в этой жалкой вонючей одежде? Они поэтому смеются? Неужели это и правда так весело? Как они могут смеяться, как могут быть такими жестокими? Ей хотелось плюнуть им в лицо и заорать.

Женщина лет пятидесяти, переходя улицу, незаметно что-то сунула ей в руку. Маленькую круглую булочку. Полицейский грубо отогнал женщину. Девочка только успела увидеть ее на другой стороне улицы. Женщина сказала ей: «Ох, бедный ребенок. Да сжалятся над тобой Господь». Девочка угрюмо спросила себя, куда этот Господь подевался. Бросил их? Или наказывал за грех, про который она ведь не ведала? Ее родители были не слишком религиозны, но она знала, что они верят в Бога. Они не воспитывали ее в религиозных традициях, как в семье Армель, где соблюдались все ритуалы. Девочка задумалась, не в этом ли причина обрушившейся на них кары, — раз они не придерживались всех правил религии как положено.

Она протянула булочку отцу. Тот сказал, что хлеб дали ей и она должна его съесть. Она засунула ее в рот целиком и чуть не задохнулась.

Их привезли в автобусах на вокзал, внизу протекала река. Девочка не знала, что это за вокзал. Она никогда здесь не была. Она вообще очень редко выезжала из Парижа. При виде поезда ею овладела паника. Нет, это невозможно, она не может уехать, она должна остаться из-за братика, она же обещала, что вернется и спасет его. Она подергала отца за рукав и произнесла имя брата. Отец посмотрел на нее.

— Мы ничего не можем поделать, — произнес он совершенно беспомощно. — Ничего.

Она опять вспомнила ловкого мальчика, которому уда-

лось ускользнуть. На нее накатил гнев. Почему отец вызывает себя таким слабым и боязливым? Или сын ему не нужен? Ему все равно, что случится с мальчиком? Почему ему не хватает смелости взять и убежать? Как он может стоять здесь и позволить запихать себя в поезд, словно барана? Как он может подчиняться, даже не попробовав что-то предпринять, чтобы броситься обратно в квартиру и освободить своего ребенка? Почему он не заберет у нее ключ и не кинется бежать?

Отец по-прежнему смотрел на нее, и она знала, что он читает ее мысли. Очень спокойно он сказал, что они в большой опасности. Он не знает, куда их повезут. И не знает, что их ждет. Но он точно знает, что если попробует сейчас убежать, то его убьют. Сразу же убьют, на месте, прямо на глазах у нее и матери. А если так случится, это будет действительно конец. Мать и она останутся совсем одни. Он должен быть рядом с ними и защищать их.

Девочка слушала его. Она никогда раньше не слышала, чтобы он говорил с ней таким голосом. Это был тот же голос, что во время тайных ночных разговоров, которые так и дышали тревогой. Она попыталась понять. Она очень старалась, чтобы охвативший ее ужас не отражался на лице. Ведь братик... Это она виновата! Это она сказала ему ждать в шкафу. Все из-за нее. Он мог бы быть здесь, с ними. Быть с ними и держать ее за руку, если бы она не вменялась.

Она заплакала, слезы обжигали глаза и щеки.

— Я не знала! — рыдала она. — Папа, я не знала, я думала, мы скоро вернемся, я думала, он там в безопасности.

Потом она подняла глаза на отца. Ее голос был полон ярости и боли, она обоими кулачками ударила его в грудь.

— Ты никогда мне ничего не говорил, Папа, никогда ничего не объяснял, ты ничего не говорил об опасности, никогда! Почему? Ты думал, что я слишком маленькая, чтобы понять, да? Ты хотел защитить меня? Ты это хотел сделать?

Она больше ни секунды не могла видеть лицо отца. Оно было исполнено такой грусти, такого отчаяния. Наконец слезы затуманили картину этого страдания. Она плакала совсем одна, спрятав голову в ладони. Отец не пробовал приблизиться к ней. За эти ужасные одинокие минуты девочка поняла: она больше не десятилетняя малышка, она стала намного старше. Больше ничего не будет как раньше. Для нее. Для родителей. Для брата.

Она последний раз всхлипнула, дернув отца за руку с силой, о которой даже не подозревала.

— Он умрет! Он умрет, это точно!

— Мы все в опасности, — откликнулся он наконец. — Ты и я, твоя мать, твой брат, Ева и ее сыновья, и все эти люди вокруг нас. Все. Но я с тобой. И мы с твоим братом. Он в наших молитвах и в наших сердцах.

Прежде чем она успела ответить, их толкнули в поезд

– без сидений, один голый вагон. Поезд для животных. Он сильно вонял и был отвратительным. Стоя у двери, девочка бросила последний взгляд на серый пыльный вокзал.

На перроне напротив семья ждала своего поезда. Отец, мать и двое детей. Мать была красивой, с замысловатой прической. Наверно, они ехали в отпуск. Дочка была приблизительно ее возраста. На ней было чудесное сиреневое платье. Волосы чистые, башмачки начищены.

Две девочки встретились взглядами по разные стороны платформы. Красивая, хорошо причесанная мама тоже смотрела на девочку в поезде. Та знала, что у нее черное от грязи лицо и сальные волосы. Но не опустила от стыда голову. Она стояла выпрямившись, вздернув подбородок. И вытирала слезы.

Когда двери уже были закрыты, поезд дрогнул и колеса со скрипом покатились по рельсам, она все смотрела в металлическую щель. Она не сводила глаз с другой девочки. И смотрела до тех пор, пока маленький силуэт в сиреновом платье не скрылся из виду.

Мне никогда не нравился Пятнадцатый округ. Возможно, из-за уродливо торчащих огромных современных зданий, которые портили вид набережных Сены сразу за Эйфелевой башней, – к ним я никак не могла привыкнуть, хотя все они были построены в семидесятые годы, задолго до моего приезда в Париж. Но когда мы вместе с Бамбером оказались на углу улицы Нелатон, где раньше находился Зимний

велодром, я сказала себе, что теперь квартал мне нравится еще меньше.

– Какая мрачная улица, – тихо проговорил Бамбер. Потом сделал несколько снимков.

Улица Нелатон была тихой и темной. Солнце сюда едва проникало. С одной стороны стояли буржуазные дома конца XIX века. С другой, на месте Зимнего велодрома, возвышалась коричневатая конструкция в типичном стиле начала шестидесятых, во всем своем уродстве – и красок, и пропорций. «Министерство внутренних дел» – гласила табличка над стеклянными автоматическими дверями.

– Странное местечко для постройки официального здания, ты не находишь? – заметил Бамбер.

Бамберу удалось отыскать всего две фотографии времен старого Вель д'Ив. Одну из них я сейчас держала в руке. На ней был виден светлый фасад, перечеркнутый большими черными буквами: «Вель д'Ив» – и огромные ворота. А вдоль тротуара – вереница автобусов и люди, вид сверху. Возможно, снимок был сделан из окна напротив утром в день большой облавы.

Мы поискали мемориальную доску, хоть какой-нибудь знак, напоминающий о том, что произошло здесь когда-то, – но напрасно.

– Поверить не могу, что ничего нет, – сказала я.

Только на бульваре Гренель, на другом углу улицы, мы наткнулись на то, что искали. Маленькая доска, довольно про-

стая. Хотелось бы мне знать, глянул ли на нее хоть кто-нибудь.

16 и 17 июля 1942 года 13152 еврея были задержаны в Париже и его предместьях, депортированы и убиты в Освенциме. На Зимнем велодроме, который располагался здесь, 4115 детей, 2916 женщин и 1129 мужчин содержались в нечеловеческих условиях полицией и правительством Виши по приказу нацистских оккупантов. Благодарность всем, кто попытался прийти им на помощь. Прохожий, помни!

– Интересно, – подумал вслух Бамбер, – почему столько женщин и детей и так мало мужчин?

– Ходили слухи о том, что готовится большая облава, – пояснила я. – Раньше уже было несколько, в частности, в августе сорок первого. Тогда задерживали только мужчин. Те облавы не были ни такими масштабными, ни так тщательно подготовленными, как эта. Вот почему она и приобрела печальную известность. В ночь на шестнадцатое июля большинство мужчин прятались: они думали, что женщин и детей оставят в покое. Но ошиблись.

– Как долго власти планировали эту облаву?

– На протяжении месяцев, – ответила я. – Французское правительство со своей стороны разрабатывало план с апреля сорок второго, составляя списки всех евреев, подлежащих задержанию. Более шести тысяч парижских полицей-

ских были привлечены к выполнению этой задачи. Вначале была выбрана дата четырнадцатое июля. Но в этот день Франция отмечает свой национальный праздник²¹. Вот почему дату сдвинули.

Мы направились к станции метро. Это была мрачная улица. Мрачная и печальная.

– А что было потом? – спросил Бамбер. – Куда отправили эти семьи?

– Несколько дней их держали на Вель д’Ив. В конце концов туда допустили группу врачей и медсестер. Все они рассказывали, какой хаос и отчаяние там царили. Потом все семьи отвезли на Аустерлицкий вокзал, а оттуда – по лагерям в окрестностях Парижа. И в конце концов прямоком в Польшу.

Бамбер вскинул бровь:

– Лагеря? Ты хочешь сказать, что во Франции были концентрационные лагеря?

– Эти лагеря рассматривались как французские предбанники Освенцима. Ближайшим к Парижу был Дранси. Еще был Питивье и Бон-ла-Роланд²².

– Интересно, на что похожи эти места сегодня, – задумчиво сказал Бамбер. – Хорошо бы съездить и глянуть.

– Съездим, – кивнула я.

²¹ 14 июля – День взятия Бастилии.

²² Дранси, Питивье, Бон-ла-Роланд – небольшие города недалеко от Парижа: Дранси – в 10 км, Питивье – в 84 км, Бон-ла-Роланд – в 88 км.

Мы сделали небольшую остановку на углу улицы Нелатон, чтобы выпить кофе. Я бросила взгляд на часы. Сегодня я обещала навестить Мамэ. Понятно, что уже не получится. Слишком поздно. Решила перенести на завтра. Это никогда не было для меня тяжелой обязанностью. Мамэ стала той бабушкой, которой у меня никогда не было. Мои собственные умерли, когда я была совсем маленькой. Я только надеялась, что Бертран тоже соберется, она его обожала.

Бамбер вернул мои мысли к Вель д'Ив.

– Со всеми этими делами мне даже приятно, что я не француз, – заметил он.

Потом опомнился:

– Ой, извини! Ты же француженка, верно?

– Да, – подтвердила я. – По мужу. У меня двойное гражданство.

– Я ляпнул, не подумав.

Он откашлялся. Вид у него был смущенный.

– Все в порядке, не волнуйся, – улыбнулась я. – Знаешь, после стольких лет в семье мужа меня все равно называют американкой.

Бамбер расплылся до ушей:

– И тебя это не задевает?

Я пожала плечами:

– Иногда. Я больше половины жизни провела во Франции. Теперь чувствую себя местной.

– Ты давно замужем?

– Скоро шестнадцать лет. Но здесь я уже двадцать пять.

– А у тебя была этакая шикарная свадьба на французский манер?

Я рассмеялась:

– Нет, церемония была очень простой. Мы поженились в Бургундии, в поместье, принадлежащем семье мужа, неподалеку от Санса.

На мгновение мне припомнился тот день. Родители молодоженов – Шон и Хизер Джармонд, Эдуар и Колетт Тезак – едва обменялись парой слов. Словно французская ветвь семьи внезапно забыла свой английский. Но мне было все равно. Я была так счастлива. Над маленькой деревенской церковью сияло солнце. На мне было платье цвета слоновой кости, очень простое, одобренное свекровью. Бертран был ослепителен в своем сером костюме. Великолепен был и обед в доме семейства Тезак. Шампанское, свечи и розовые лепестки. Чарла произнесла очень забавный тост на своем ужасающем французском, но смеялась я одна, а Лаура и Сесиль чопорно надулись. На моей матери был бледно-розовый костюм, она шепнула мне на ухо: «Надеюсь, ты будешь счастлива, мой ангел». Отец вальсировал с Колетт, по-прежнему негибимо прямой, как буква «i». Мне казалось, что воспоминанию уже много веков.

– Скучаешь по Штатам? – спросил Бамбер.

– Нет. Я скучаю по сестре. Но не по Америке.

Молодой официант принес нам кофе. Он бросил взгляд на

огненную шевелюру Бамбера и глуповато улыбнулся. Потом заметил внушительное количество фотоаппаратов и объективов.

– Туристы? – проявил он смекалку. – Делаете красивые снимки Парижа?

– Нет, не туристы. Мы делаем красивые снимки того, что осталось от Вель д'Ив, – произнес Бамбер на своем французском, в котором рокотал неисправимый британский акцент.

Официант, похоже, удивился.

– Никто никогда не спрашивал про Вель д'Ив, – признался он. – Вот про Эйфелеву башню – это да... Но про Вель д'Ив...

– Мы журналисты, – пояснила я, – работаем на американский журнал.

– Время от времени я и правда вижу еврейские семьи, – вслух размышлял молодой человек. – Особенно по юбилейным датам, после речей у Мемориала на берегу Сены.

У меня появилась мысль.

– А вы не знаете кого-нибудь, может соседа, кто мог бы рассказать о той облаве? – спросила я.

Мы уже сделали интервью с несколькими выжившими. Большинство из них написали книги, чтобы рассказать, что они пережили, но нам не хватало реальных свидетелей. Нам нужны были парижане, которые присутствовали при самом событии.

И тут я поняла, что задала глупый вопрос. Этому парню

едва стукнуло двадцать. Его собственный отец в сорок втором еще, наверное, не родился.

— Да, знаю одного такого, — заявил он, к моему большому удивлению. — Если пойдете на другой конец улицы, увидите слева магазинчик, торгующий газетами и журналами. Спросите хозяина, он вам все скажет. А его мать живет здесь всю жизнь, она должна много чего знать.

Парень заработал очень хорошие чаевые.

Они бесконечно долго шагали в пыли от вокзала до маленькой деревни, где люди опять указывали на них пальцем и рассматривали, как диковинных зверей. У нее болели ноги. Куда их теперь ведут? Что с ними будет? Далеко ли они от Парижа? Поезд шел всего пару часов. Она не переставала думать о брате. С каждым километром на сердце становилось все тяжелее. Как теперь ей вернуться домой? Что придумать? Мысль, что братик мог решить, будто она про него забыла, мучила ее невыносимо. Да, наверняка он так и думал, сидя в темноте шкафа. Он думал, что она его бросила, что ей все равно, что она его не любит. У него больше не было ни воды, ни света, и ему было страшно. Она про него забыла.

Где они оказались? Она не успела глянуть на название вокзала, когда они приехали. Зато она сразу же заметила то, что неизбежно должно было привлечь внимание любого городского ребенка: идиллический сельский пейзаж, огромные зеленые луга, золотистые поля. Пьянящий аромат све-

эжего воздуха и лета. Гудение имела. Птицы в небе. Белые ватные облака. После вони и душной жары последних дней это показалось ей истинной благодатью. Возможно, в конечном счете все будет не так уж плохо.

Вместе с родителями она дошла до ворот из колючей проволоки, по обеим сторонам которых стояла суровая стража с автоматами. Потом она увидела ряды темных барачков. Место было зловещее, и все ее недавние надежды улетучились. Она прижалась к матери. Полицейские начали орать, отдавая приказания. Женщины и дети должны были отправиться в бараки направо, мужчины – налево. Вцепившись в мать, она беспомощно смотрела, как отца толкают к группе мужчин. Она чувствовала, как к ней возвращается страх, потому что отца больше не было рядом. Но она ничего не могла поделать. Автоматы нагоняли на нее ужас. Мать не шевелилась. Глаза ее были пустыми. Мертвыми. Лицо очень бледное и болезненное.

Девочка взяла мать за руку, когда их толкали к баракам. Пространство внутри было пустым и жутким. Доски и солома. Вонь и грязь. Уборная располагалась снаружи, простые деревянные настилы с дырами. Им велели залезать на них группами, писать и испражняться прямо на виду у всех, как животные. Ее это возмутило. Она чувствовала, что не сможет. Нет, не сможет. И тогда она увидела, как мать расставляет ноги над дырой. От стыда она опустила голову. Но в конце концов сделала так, как ей приказали, присев

на корточки и надеясь, что никто на нее не смотрит.

Сразу за колючей проволокой девочка могла разглядеть деревню. Темный колокол над церковью. Водонапорная башня. Крыши и печные трубы. Деревья. Она подумала, что там, в таких близких домах, люди ложатся спать в свои кровати, у них есть простыни, одеяла, еда и вода. Что эти люди чистые, а их одежда хорошо пахнет. Никто на них не кричит. И все это там, прямо там, по другую сторону ограды. В хорошенькой деревушке, где звонит церковный колокол. Где дети, наверное, на каникулах. Дети играют, отправляются на пикник, бегают наперегонки. Счастливые дети, несмотря на войну, несмотря на ограничения, введенные немцами, несмотря даже на то, что отцы их, возможно, ушли на фронт. Счастливые дети, их любят и холят. Она не понимала, откуда взялось такое различие между ею и этими детьми. Не понимала, почему с нею и с другими людьми так обращаются. Кто так решил и с какой целью?

Им дали пустой суп из капусты. Жидкость была светлой, и в ней полно песка. Большие им было ничего не положено. Потом она увидела, как женщины раздеваются, их заставляют мыть свои грязные тела под струей воды, льющейся в ржавые железные поддоны. Женщины показались ей уродливыми и нелепыми. Все они вызывали у нее отвращение — и рыхлые, и худые, и старые, и молодые. У нее вызывало отвращение то, что их выставили голыми. Она не хотела их видеть. Но ничего другого не оставалось.

Она прижалась к теплому телу матери и постаралась не думать о братике. Тело чесалось, кожа на голове тоже. Ей хотелось помыться, залезть в хорошую ванну, потом в постель и чтобы братик ее обнял. И поужисинать. Она задумалась, может ли быть что-то хуже, чем все то, что случилось с ними в последние дни. Вспомнила о своих подругах, о других девочках из школы, которые тоже носили желтые звезды. Что с ними? Скольким из них удалось ускользнуть? Хоть кто-нибудь нашел убежище, спрятался где-то? В безопасности ли Армель со своей семьей? Увидятся ли они когда-нибудь с ней и с остальными? Сможет ли она пойти в школу в сентябре?

В ту ночь она не спала. Ей не хватало успокаивающего присутствия отца. Болел живот, она чувствовала, как желудок сводит судорогами. Она знала, что им запрещено покидать ночью бараки. Сжала зубы, держась за живот. Но боль нарастала. Она тихонько встала и пошла на цыпочках мимо сморенных сном женщин и детей, пока не добралась до уборной, которая находилась снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.